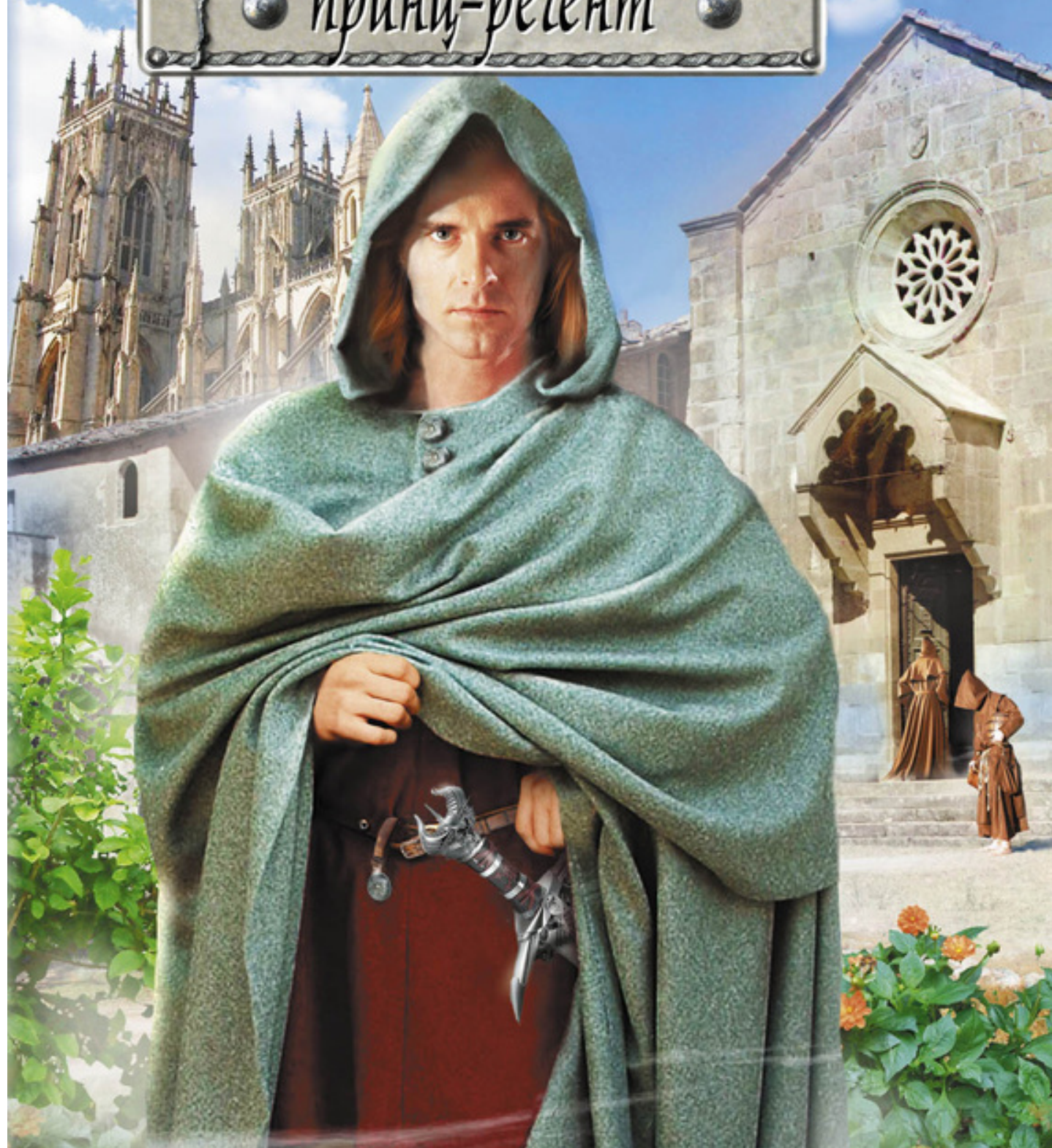

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
принц-регент

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

**Ричард Длинные
Руки – принц-регент**

«ЭКСМО»

2013

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – принц-регент / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2013 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-66571-6

Доблестный рыцарь сэра Ричарда говорил, рисуясь перед дамами, что каждый день спасает мир, но на этот раз пришла настоящая беда. И все указывает на то, что мир будет уничтожен в самом деле. И уничтожить его решил Тот, кто и создал. Последний лучик надежды – Храм Истины, о котором ходит столько таинственных слухов. Но все оказалось не таким, как надеялся отчаявшийся паладин...

ISBN 978-5-699-66571-6

© Орловский Г. Ю., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – принц-регент

Часть первая

Глава 1

Треск в небе затих и отдалился, выдавленный со стороны Храма мощными и насыщенными медью звуками огромного колокола, медленными и тягучими, как молодой, но уже застывающий мед. Следом едва слышно донеслись, несмотря на немалое расстояние, слова молитвы, называемой спасительной, что ограждает весь мир защитным от Зла щитом.

В детстве читал, что однажды корабль короля Филиппа Августа застиг на море сильнейший шторм, и король повелел всем молиться: «Если удастся продержаться до того часа, когда в монастырях начнется утренняя, будем спасены, ибо монахи начнут богослужение и сменят нас в молитве».

Огромная черная гора вблизи еще выше и страшнее, тучи выглядят скальными массивами, что соударяются над головой, высекая искры молний, а те бросают вниз страшные сполохи неистового небесного огня, однако с каждым шагом арбогастра молитва звучит громче и яснее.

Гора ограждена высокой каменной стеной явно просто по традиции – кто в здравом уме приблизится к таким ужасам? Разве что бесстрашный Бобик весело ринулся огромными прыжками в сторону массивных ворот в ограде.

За Храмом, как уже вижу, поднимаются здания монастыря. Молитва оттуда звучит настолько мощно и властно, что заглушила треск и грохот в тучах, а чудовищные молнии потеряли жуткий блеск, только на землю все еще падают страшные отсветы небесной битвы.

– Назад, – велел я Бобику. – Рядом!.. И вести себя весьма. Мы же теперь как бы вот!.. Понял?

Он вздохнул и пошел рядом с моим стремянем; для него не так важны слова, как интонация, собакам вообще можно бы говорить только одно слово, только у нас не хватит интонаций на все случаи жизни.

Я постучал рукоятью меча в калитку в левой половинке ворот, подумал и слез, даже брату паладину надлежит выказывать смирение перед теми, кто выше по рангу в духовной области.

Через минуту прогремел могучий бас, похожий на рык молодого сильного медведя:

– Кто дерзновенно стучит в ворота нашей скромнейшей обители?

– Ладно, – сказал я, – открывай. Видно же, не мимо ехал.

– Мы не перед всеми распахиваем ворота, – ответил голос.

– Мы не гордые, – ответил я, – можем и через калитку. А есмь я по сути брат паладин, паладин Господа нашего Всевышнего и Милосердного. Свой, как бы вот так, если смотреть сбоку.

Калитка распахнулась без скрипа. Я все-таки думал, что для арбогастра придется открыть ворота, однако Зайчик нагнул голову и прошел достаточно легко, словно проем в калитке специально для него раздался, а то и в самом деле вроде бы раздался, что-то у меня с глазами.

Бобик смиренно вдвинулся следом и тут же воспитанно сел, изображая комнатную болонку-переростка.

По ту сторону забора монах огромного роста в темно-коричневой рясе и с надвинутым на лоб капюшоном с огромным интересом рассматривает Бобика. С таким же вниманием перевел взгляд на арбогастра, наконец повернулся ко мне.

– Твои, брат паладин? – прогрохотал он.

– Нет, – ответил я с достоинством, – это я ихний. Вернее, мы друг другов. В общем, не считаемся титулами, ибо друзья, хотя субординацию и вассальную присягу блюдем, ибо такова жизнь в том оставленном за спиной греховном, но таком весьма как бы мире...

– Такова жизнь, – повторил он. – И так везде. Да будет Господь с тобой, брат паладин. Давно не видел таких замечательных собачек... Меня зовут брат Жак.

– Мы все трое замечательные, – ответил я с достоинством.

– Я вижу, – согласился он и добавил деловым голосом: – Только гордыня в стенах нашего монастыря не приветствуется. Почему? Как думаешь, почему?

– Спасибо, брат, – ответил я. – В мирской жизни порой забываешь базовые требования к человеку вообще, не только к элите нашего мира, монахам. Ибо человек он только тогда, когда чуточку монах, верно?

Он кивнул в сторону арбогастра и Бобика.

– Они в самом деле... породистые. Хорошо, найдем место. Собака вообще божья тварь, все идут в рай... Про лошадей ничего не сказано, но, думаю, коням тоже там есть уголок, подальше от сада, чтоб райские куши не объедали, вон какая пасть... А собакам, конечно, там бегать можно везде.

Я спросил:

– А здесь?

Он скупно улыбнулся.

– Конечно, нет. Или думаешь, собакам можно забегать в ризницу? Да туда не всем монахам разрешено!.. Мне, правда, можно.

– Поздравляю, – сказал я. – А на кухню?

Он оглянулся на Бобика.

– Ему или мне? Это как посмотрят повара.

– Тогда все в порядке, – сказал я с облегчением. – Это такой подхалим, к любому умеет подлизаться, если только его чесать и подкармливать.

– Выходит, устроить нужно только тебя? – спросил он. – Тогда все проще. Пойдем, покажу свободную келью.

– Никого не стесню? – спросил я.

Он покачал головой.

– У нас треть келий пустые.

Я промолчал, что в других монастырях монахи спят в общих помещениях, достаточно тесных, а здесь то ли нехватка кадров, то ли Храм действительно в слишком суровом климате.

Он подошел к арбогастру, без боязни перед его страшной пастью взял под уздцы, правда, рука у него с бревно, а ладонь с лопату...

– Пойдем со мной, лошадка. Я тебя устрою по-королевски. Мы не занимаемся коневодством, но у нас десяток коней и добротная конюшня.

– Прекрасно, – ответил я. – Только поместите моего коня подальше от других. Из него неважный монах.

– В смысле?

– Может и подраться, – пояснил я, – если заденут. Ну никакого смирения, хоть какие молитвы ему читай!

Он спросил с интересом:

– А «Аве Мария» пробовал?

– Нет, – сказал я озадаченно. – А что, поможет?

– Нет, – ответил он, – но интересно было бы взглянуть.

– А насчет моей маленькой собачки?

Он сказал после паузы:

– Я такое не решаю, но пока возьми ее с собой, только пусть не выскакивает из твоей кельи.

– Вообще?

– До особого распоряжения старших, – пояснил он. – Если бы я тут распоряжался, я бы им нараспоряжался!

– Рядом женский монастырь поставил бы?

Он хохотнул.

– Понимаешь, брат паладин! Желательно в том же здании, чтобы по морозу не бегать.

– Прекрасно, – ответил я с энтузиазмом. – Мне, как христианину, главное, чтобы были устроены мои конь и пес, а я уж как-нибудь перебыюсь, если женский монастырь близко! Лучше, конечно, два, но и с одним жить можно!

Он молча улыбнулся и повел арбогастра в сторону просторного каменного сарая, что наверняка и есть конюшня.

Я проводил их взглядом. Огромный монах завел арбогастра в темный проход, Бобик чинно пошел следом, дескать, только посмотрит, а у меня за спиной раздался мягкий голос:

– Приветствуем тебя, путник!

Я обернулся. В трех шагах появился, когда только и подошел, толстенький священник, невысокий, с округлым мягким лицом и бесконечно добрыми, почти детскими глазами.

– И вам благодать Божья, – ответил я.

Он сказал участливо:

– Позволь принять тебя, путник! И устроить с теми скромными удобствами, которые нам доступны.

– Я вообще могу без удобств, – сообщил я. – Господь терпел и нам велел.

– Да-да, – согласился он, – это угодно. Я отец Мальбрах.

– Наставник новичиев? – спросил я.

Он мягко улыбнулся.

– Нет, туда еще рано. Я елөмозинарий...

– А-а-а, – сказал я, – понятно. Нет, я не нуждаюсь в милостыне...

– В милостыне нет ничего унижительного, – возразил он и покраснел. – Это от слова «милость», «милосердие», так что отбрось гордыню, брат. Никто не узнает, что ты принял помощь...

Я кивнул понимающе. Монахи полагают, что лучше быть обманутыми, чем оказаться подозрительными и безжалостными. Потому к тем людям, которые, на их взгляд, были некогда богатыми и могущественными, а сейчас стали нищими, относятся с особой деликатностью, чтобы не травмировать их гордость, а помогать им вообще предпочитают втайне.

– Я в самом деле не беден, – сообщил я, – а прибыл сюда по важному делу. Мне бы встретиться с аббатом.

– Служение Всевышнему не терпит суеты, – ответил он благочестиво, – у аббата забот много. Но тобой займутся либо келарь, либо бейлиф.

– Хорошо, – сказал я, – когда?

– Как у них появится время, – ответил он кротко, но с едва заметным упреком, дескать, не следует требовать к себе повышенного внимания у занятых людей, это неучтиво и не весьма по-христиански. – Жди, сейчас придут и займутся тобой.

Я оглянулся на дверь конюшни, откуда выскочил Бобик, а когда снова повернул голову к отцу Мальбраху, там было пусто до самого входа в Храм, а ступени ровно и чисто запорошены снегом.

Бобик примчался вприпрыжку, веселый, все понравилось, хотя ему почти всегда везде нравится. Я потрепал его по башке, а когда двинулся к главному зданию, оттуда торопливо вышел и поспешил мне навстречу, оставляя следы на снегу, молодой монах – капюшон отброшен на спину, лицо очень худое, бледное, но без привычной монашеской мягкости.

Он сунул руки в знак смирения в широкие рукава, правую в левый, левую в правый, держа их на груди, поклонился достаточно учтиво, но с достоинством знатного человека.

– Приветствуем тебя, брат паладин, в нашей обители!

– И я рад, – ответил я. – А что, на мне написано, что я паладин?

Бобик тоже посмотрел на него с интересом: а ну-ка отвечай, откуда сведения, кто передал, когда. Монах ответил уклончиво:

– Красный крест на плаще...

– Знак участника Крестового похода, – напомнил я.

– Простой крестоносец не сумеет пройти через ворота, – ответил он, и я не понял, врет или говорит правду: монахи редко жестикулируют и гримасничают, – а ты вошел... и не один.

Он покосился на громадного черного пса, я видел в его глазах испуг, но он постарался не выказывать страха, ведь все в руке Творца, и произнес ровным бесцветным голосом:

– Меня зовут брат Альдарен. Елеозинарий велел мне встретить тебя и показать свободную келью.

– Гм, – сказал я, – вообще мне уже предложили разместиться...

Лицо его не изменилось, но в голосе прозвучала нотка неприязни:

– Кто, брат Кердальт?

– Я еще не знаю, – честно ответил я, – кого как зовут. Но вроде бы его звали Жаком.

Он чуть отступил, это Бобик начал рассматривать его слишком пристально, быстро посмотрел по сторонам.

– Брат Жак, вы сказали?

– Сейчас устраивает моего коня.

Он чуть сдвинул брови.

– Человек декана. Да, десятник тоже может встречать гостей, но вообще-то их обустройством должен заниматься келарь.

– Хорошо-хорошо, – сказал я поспешно, – я разве против? Мне лишь бы устроили хорошо моего коня и собачку.

Он кивнул, быстро зыркнул на конюшню и сказал поспешно:

– Пойдемте. Пусть брат Жак устраивает коня, а мы покажем, где можно разместиться вам самому при наших скромных удобствах.

Я прислушался: даже сюда доносится ровный монотонный гул, а пол под ногами вроде бы слегка подрагивает.

Брат Альдарен снова посмотрел на Бобика, затем на меня.

– Слышите?

– Да, – ответил я. – И как вы...

Он отмахнулся.

– Не обращайтесь внимания, брат паладин. Как давно уже не обращаем мы. Привыкнете, перестанете замечать. Демоны беспрестанно ломают нашу защиту, да только им это не под силу.

Бобик посмотрел на него, слегка зарычал, шерсть на загривке вздыбилась.

– Это он на демонов, – объяснил я поспешно. – Святая собачка, рвет их на куски, а иногда и в клочья.

Он побледнел, перекрестился.

– На куски... как отвратительно...

– Не всем же молитвой, – сказал я, чуть обидевшись за Бобика. – А защиту не расшатает?

– Ни за что, – заверил он. – Поставили еще те святые, что основали Храм. Мелкие демоны сгорают за милую, средние рассыпаются в прах в сотне ярдов, а самые могучие успевают коснуться стен, но все равно погибель настигает всех, ибо святость Храма велика, крепка и незыблема.

Он двинулся к раскрытым воротам в главное здание, мы с Бобиком пошли следом, я пробормотал на ходу:

– Странно...

– Что?

– Когда я подъезжал, – пояснил я, – не видел ни одного... Хотя да, могут быть незримыми.

Но почему никто не набросился на одинокого всадника?

Он сказал с чувством превосходства:

– Так это же демоны! Тупые. Им велели штурмовать Храм, вот и штурмуют. А их самих в это время хоть по голове бей.

– И что, – уточнил я, – никто...

Он пожал плечами.

– Говорят, аббат Гильом в очень древние времена выходил и бил их в спину, уничтожая десятками в день. Но взамен каждого убитого тут же появляются новые, к тому же брат Герберт упрекнул Гильома, что бить в спину нечестно даже демонов, и аббат повинился, что да, дескать, старая воинская привычка взяла верх, но теперь надо вести себя как подобает смиренным монахам, защищаться только молитвой...

Входя в широко распахнутые, несмотря на зиму, двери, я все еще не понимал, то ли в самой горе продолбили ниши для Храма и монастыря, то ли такая странная архитектура, а все эти страшные черные сколы, вздымающиеся в небо, нечто вроде ужасающих по красоте и величию башен Кельнского собора, их строили четыреста лет, ухлопали несметные ресурсы, но все назначение – только вызывать восторг у всякого, кто их видит даже издали.

Едва переступил порог, всего охватила торжественнейшая тишина, и я сообразил, что во дворе, несмотря на приглушенность, все же раздражают постоянный треск над головой, грохот и рев, как и суматошный блеск молний, зато сейчас блаженно спокойно, мирно, как и должно быть под сводами монастыря, где так хорошо размышлять над вечными проблемами.

Бобик смиренно идет следом, понимает, что здесь ему не там. В этом благочестии пересекли два зала. Во втором я наконец увидел двух монахов, но оба прошли под дальней стеной, тихие и незаметные, как две чучундры, склонив закапюшоненные головы и держа руки на груди в широких рукавах.

Глава 2

Светильники на стенах, на мой взгляд, слишком уж высоко, это ж какие лестницы к ним надо. Я засмотрелся, и Бобик тут же оказался рядом и, подпрыгнув, предложил достать их и потрепать на полу.

– Как светло, – сказал я, – только вот люстры...

Брат Альдарен спросил вежливо:

– Что с люстрами?

– Хороший свет, – похвалил я, – но где веревки... Или как у вас их спускают?

Он спросил:

– А зачем?

– Чтоб заменить свечи, – объяснил я непонятливому, слишком уж заучился парень, простых вещей не понимает, скоро совсем святым будет. – А иначе как?

Он сказал равнодушно:

– А-а, это... Брат паладин, не стоит забивать голову посторонними и весьма мирскими мелочами. Служенье Богу не терпит суеты. Не отставайте. Эти свечи менять не нужно.

– Чего?

– Они горят, – произнес он без всякой насмешки над моей тупостью, – вечно.

Я сказал понимающе:

– Магия... Но разве не запрещена?.. Или это чудо?

Он поморщился.

– Брат паладин, ну какая тут может быть магия?.. Да и чудес мы еще не удостоены. Простые свечи. Только вечные, понимаете?

Бобик тоже посмотрел на меня с удивлением: что тут понимать и вообще зачем ломать голову, все же понятно.

Я пробормотал:

– Но... как?

Он отмахнулся.

– Просто там воск продолжает... расти, что ли? Как гриб, что растет и растет, понял? С такой же скоростью, как горит свеча.

– А-а-а, – сказал я, – потому их не стоит гасить днем?

Он сказал довольно:

– А ты быстро схватываешь, брат паладин. Может быть, проживешь до первого испытания веры.

Он обращался ко мне то на «ты», как к равному себе собрату, то на «вы», все-таки я паладин, а это как бы выше или, по крайней мере, что-то другое, но, похоже, вежливость все-таки начинает брать верх.

– Не пугай, – сказал я по-свойски. – И так уже всего колотит. Я ужасно как боюсь привидений и священников.

Дальше еще зал, наконец лестница, ведущая вниз. Опускались мы достаточно долго, пока не вышли в бесконечно длинный коридор, дальний конец теряется в темноте, по одну сторону массивные двери из темного дерева, расположены близко одна к другой, так что помещения должны быть совсем крохотные, придется отвыкать от королевских апартаментов.

– Уже скоро, – сообщил он доброжелательно.

– Здесь?

– Да, – ответил он, – с самыми младшими.

Я покосился на стену, напротив каждой двери по жестяному подсвечнику, свет яркий, ясный и чистый. Думаю, и по всему монастырю эти вечные свечи. Их состав монахи вряд ли

знают, уровень знаний не тот, однако наверняка на бесчисленных опытах проверили, что если отрезать от свечи немножко и оставить на столе или блюде, то начнет медленно расти новая свеча. Если ее не разжечь, будет расти и расти, пока не заполнит собой всю комнату. Думаю, самый простой способ уничтожить – выбросить на мороз, холод убивает такое почти сразу.

Правда, можно и сжечь, если швырнуть в камин или вообще на горящие угли. Тогда рост не поспеет, и масса свечи сгорит, охваченная пламенем со всех сторон. Но методом проб и ошибок отыскиали, молодцы, оригинальное решение...

Бобик забежал далеко вперед, остановился возле одной двери, оглянулся и весело оскалится, показав страшную красную пасть с двумя рядами острейших зубов.

Брат Альдарен замедлил шаг.

– Он что... чувствует?

– Мышей? – спросил я.

– Нет, – ответил он шепотом, – где вас разместим.

– Он много чего чувствует, – ответил я сварливо, – да только не говорит! Но лучше всего чувствует кухню.

Бобик смотрел, как приближаемся, и весело помахивал хвостом. Брат Альдарен сказал бледным голосом:

– Но он остановился точно у этой двери... Да, все верно, это ваше пристанище на эту ночь, брат паладин. А что будет дальше, ведают только Господь и наш келарь.

Он улыбнулся, дескать, шутка, я могу и не сообразить, все-таки воин, а у воинов, как известно, чугунные головы и почему-то медные лбы.

– Спасибо, брат Альдарен, – сказал я. – Аминь.

– Аминь, – ответил он автоматически, хотя я брякнул, как мне кажется, совсем не к месту.

Я потянул дверь на себя, но первым вбежал, понятно, Бобик, отпихнув меня так мощно, что я впечатался в косяк. Келья выглядит прямоугольной пещерой, выдолбленной в толще камня, там узкое ложе, стол, длинная лавка, два стула, а на столешнице, что радует, чернильница и стопка перьев в стаканчике из глины.

Нарушая простоту кельи, в стене напротив довольно большой камин, огражденный изысканно сплетенными в орнамент толстыми железными прутьями, да еще простая деревянная лестница, что наискось над ложем и ведет наверх, словно бы на чердак...

Когда я оглянулся, монах уже уходил, набросив капюшон на голову и спрятав руки в рукава.

Я захлопнул за собой дверь, Бобик уже покрутился в тесной келье на месте и плюхнулся посередине, а я задумчиво посмотрел на деревянное ложе. Вроде бы не видать сюрпризов, хотя помню, как придворные короля Неаполя и Сицилии обвинили Гильома Верчерского, основателя комплекса монастырей Манте-Вирджино, что он втихую распутничает, и подослали к нему самую красивую куртизанку. Гильом ответил, что ляжет с нею, но только в ту постель, где спит он сам. Обрадованная дура торопливо вошла в его келью и увидела ложе с раскаленными углями, на которых и спит всегда Гильом, чтобы бороться с искушениями плоти.

Потрясенная куртизанка тут же продала все свое имущество, принесла деньги Гильому, а тот основал для нее женский монастырь в Венозе и ее сделал настоятельницей. Она стала известна как блаженная Агнесса де Веноза, но это уже неинтересно. Куртизанки нам все-таки чем-то интереснее. Странно, чем?

Никаких куртизанок, напомнил я себе. Здесь все борются с искушениями плоти, вот и ты борись, герой, с самым упорным и опасным врагом, а уступай не так уж и сразу.

Бобик поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

– Тебе проще, – напомнил я. – Самые мощные искушения у людей... Несмотря на времена года.

Он удовлетворенно вздохнул и опустил морду на лапы, уже готовый заснуть крепко и чутко. Я опустился на лавку и обратил внимание на лестницу.

Монашеская келья, рассчитанная на одного человека, не крохотный чуланчик, как я представлял в детстве, а система помещений, где на первом этаже рабочие комнаты монаха, а на втором две комнаты, где он молится, читает книги, ест и спит.

Кузнечные мехи, подставка для дров, камин с простой железной решеткой, что не дает вываливаться углям на пол, кочерга, совок, длинный и кривой садовый нож, кирка, ящик с берестой...

На отдельном столике кремень, но это дань традиции, наверняка огонь зажигают от свечей, а также рубанок, им можно настрогать стружку для разведения огня.

Бобик поднялся, скорбно вздохнул, подошел к двери. Во взгляде, брошенном на меня через плечо, читалось неимоверное страдание.

– Понял, – буркнул я. – Только недолго! Ты мне нужен. И не лопни.

Он стрелой выметнулся в приоткрытую для него дверь, а я закрыл и вернулся к ложу.

Меч поставил у изголовья, запрет на ношение оружия не распространяется на гостей, а я так и вовсе брат паладин, воин Господа, для паладинов отдельные правила, надо их поскорее узнать, чтобы отстаивать свои гражданские и прочие права и не давать садиться на голову.

Вообще-то мало кто знает, но если верующий совершает греховное деяние, ангел ждет сто восемьдесят минут, а то и целых три часа. Если человек осознает греховность поступка и чем-то компенсирует его добрым, то грех не будет засчитан и обращен против него в Судный день. Так что очень важно еще и задумываться о том, что совершил, иногда можно успеть отыграть назад.

В дверь мощно поскреблись, я торопливо отворил, пока Бобик не процарапал ее насквозь. Он вошел важно, бока раздуты, без ритуальных кругов плюхнулся посередине и сразу же заснул.

– Молодец, – похвалил я. – Быстро ты там все очистил. Ничего, приготовят заново. Труд из обезьяны сделал человека, а усердность – монаха.

Я готовился лечь, когда в дверь вежливо постучали. Бобик поднял голову и посмотрел строго, но пока что не зарычал.

Я крикнул:

– Открыто!

Вошел очень молодой монах с подносом в руках, посмотрел на Бобика и в ужасе застыл на месте.

Я поднялся с лавки, а он сказал торопливо, все еще не отрывая взгляда от Бобика:

– Нет-нет, брат, помогать не надо. Если ваша собачка не очень возражает, я поставлю это на стол. Такова моя обязанность.

– Хорошо, – сказал я, – не буду. Но я думал, обедаем в общей трапезной.

– Так и будет, – сообщил он, – с завтрашнего дня. А пока вы путник, прибывший из холодного и злого мира. Насыщайтесь, отдыхайте... Испытания начнутся завтра. Но если вы не для вступления в орден, то все будет иначе.

– Как?

– Не знаю, – признался он. – Пока вы просто гость.

Я наблюдал, как он ловко, но без излишней суеты перекладывает на стол хлеб, сыр, с десяток круто сваренных яиц, достаточно крупную и толстую рыбку, при виде которой Бобик приподнялся и облизнулся.

– Сегодня постный день, – сообщил он, словно извиняясь, – так что мясо будет только завтра.

– Ничего, – ответил я, – Христос тоже рыбу весьма любил! А Петр так и вовсе ею промышлял. Как тебя звать, брат?

– Брат Жильберт.

– А меня Ричард, – сказал я. – Пока еще не брат... и вряд ли им стану. Но не возражаю, если так называют.

Он скупой улыбнулся.

– Еще бы.

– Это очень высокое звание? – спросил я. – В этом монастыре? Вроде титула?

– Думаю, – ответил он осторожно, – выше, чем в большинстве монастырей. Возможно, выше, чем во всех остальных.

– Брат Жильберт, – сказал я, – присядь и раздели со мной трапезу.

Он покачал головой и ответил смиренно:

– Брат паладин, я не должен.

– Повинуйся, – сказал я настойчиво. – Я паладин, выше по званию.

– Но вы не из нашего монастыря, – произнес он.

– Мы все из одного монастыря Господа Бога, – сказал я внушительно и перекрестился. –

Ибо так рекомо.

Он сказал поспешно:

– Аминь.

Я жестом велел ему сесть, он присел послушно и уставился на меня добрыми и чистыми глазами невинного ребенка.

– Как тут вообще идут дела? – поинтересовался я.

Он ответил быстро:

– Как положено.

– А как положено?

– Согласно уставу, – ответил он. Мне показалось, по лицу скользнула некая тень, однако он продолжал смотреть мне в лицо честными глазами. – И положению о монастырях.

– Ах да, – сказал я, – ну конечно... Это мы, паладины, свободнее в своих действиях и поступках.

– У вас большая ответственность, – ответил он смиренно. – Я предпочитаю по правилам и уставу. Когда слишком свободен... можно ошибиться и совершить великий грех..

– Ну, – сказал я, – мелкий человек не совершит великого греха. Для этого надо быть человеком с большими запросами. У вас все поступают по уставу?

Он ответил чуть-чуть уклончиво:

– У нас очень свободный устав... если сравнивать с уставами других монастырей.

– Вы их читали? – спросил я с интересом.

– У нас в библиотеке много чего интересного, – ответил он так же уклончиво.

Я вслушивался в его мягкую речь, правильно построенные фразы, в какой-то момент он бросил взгляд на меня, когда я смотрел в сторону, и мне показалось, что это другой человек, постарше, поопытнее, и повыше рангом, чем рядовой монах.

– Чем занимаются монахи? – спросил я.

Он ответил уклончиво:

– Работы в монастыре много. И всем занятие находится по их силам и способностям. Отдыхайте, брат паладин.

– Как долго?

– Завтра, – сказал он значительно, – вас примет приор, а то и сам аббат, настоятель монастыря.

– Спасибо, – произнес я. – Это великая честь.

Он кивнул.

– Разумеется. Ведь аббатом у нас сам отец Бенедарий!

– Ага, – ответил я, – сам Бенедарий, кто бы подумал... В самом деле сам Бенедарий? Не шутите?

Он произнес с гордостью:

– Вы убедитесь завтра сами.

Я не стал провожать его к двери, здесь он хозяин, а я гость, прислушался к удаляющимся шагам, сбросил сапоги и рухнул на ложе, чувствуя, как сладко заныло усталое тело, получив наконец-то отдых.

Эту ночь буду спать как бревно, измотался за долгий путь в седле через морозный мир, хоть вот сейчас, когда уже засыпаю, хорошо бы осмыслить увиденное: странные недоговорки брата Альдарена, разноречивой при встрече, когда явно две группы собирались меня устроить... Интересно, куда определил бы брат Жак, этот гигант показался простецким и бесхитростным малым; еще надо понять опасливые взгляды любого монаха, встречаемого на пути...

Тело мое вздрогнуло само по себе, по коже прокатилась холодная волна. Я почувствовал, как на обеих руках шевелятся волосы, вставая дыбом.

Где-то близко появилась опасность, нечто огромное и чудовищно сильное вышло на охоту, бесконечно злое, сейчас осматривается, как только что выбравшееся из глубокой черной норы.

Опасность приблизилась, я торопливо выдернул меч из ножен, скатился на пол и, выставив перед собой острие, замер в ожидании. Для замаха не будет времени, а так вдруг да оно само напорется на острие.

Холод прокатился по телу, неведомый враг приближается, приближается... Я задержал дыхание, сейчас распахнется дверь, из коридора метнется нечто ужасающее, точно не люди...

Я покосился на Бобика, но Адский Пес, чуткий к любой опасности, почему-то спокойно дрыхнет, даже ухом не шелохнет.

В какой-то момент мелькнуло нечто темное, на краткий миг возникло на стыке стены и потолка, в самом уголке, там и так темно, и почти сразу ощущение близкой и смертельной опасности начало слабеть, отдаляться, уходить.

Когда совсем испарилось, я переполз обратно на ложе, но рукоять меча из ладони не выпустил, стараясь сообразить, что же случилось и почему эта тварь не набросилась.

Возможно, не заметила? Или все-таки послана не за мной? Возможно, она на свободной охоте, либо нужен кто-то иной...

И все-таки сон теперь не шел, я лежал с колотящимся сердцем и старательно продумывал все варианты, кто мог за мной послать и, главное, что именно. Первоначальное предположение, что это не за мной, пришлось отбросить. Слишком облегчающее жизнь, а та научила, что меня что-то все стараются нагрузить, лягнуть, пнуть, ударить, но никак не дать пряник или хотя бы похлопать по плечу, не говоря уже о том, чтобы почесать спинку.

Сна ни в одном глазу, ах да, нужно поупражняться в переносах, пока еще получается замедленно, не умею сосредотачиваться, всякая мелкая хрень отвлекает...

Представил в руке меч, выкованный гномами, сейчас он у меня в моей королевской опочивальне, буквально ощутил в ладони холодную рифленую рукоять... чувство такое, что вот уже сомкнул пальцы, но перевел взгляд на ладонь...

Сжал и разжал пальцы, условия для переноса самые идеальные, ничто не мешает и не отвлекает, однако... однако меча нет.

Возможно, расстояние, возможно, свирепые холода, но самое разумное объяснение – святость монастыря блокирует любые магические действия.

На всякий случай попрактиковался, создавая вино в большой глиняной кружке; получилось, хотя чему так уж радоваться? Видимо, создание вина и пищи у меня за счет моей палатинистости, а телепортация мечей – уже магия, здесь абсолютно неприемлемая, хотя намного более нужная.

Глава 3

В дверь осторожно и очень деликатно постучали, однако настойчиво; очень интересное сочетание, подумал я, вот это деликатно и весьма настойчиво.

– Открыто! – сказал я громко.

Вошел брат Альдарен, осторожно и не отрывая взгляда от дремлющего Бобика притворил за собой и поклонился со всей учтивостью, больше приличествующей рыцарю, чем монаху.

– Брат паладин...

– Добрый день, – приветствовал его я. – Он ведь добрый?

– Господь всегда посылает добрый, – ответил он. – Мы сами делаем его тем или иным. Брат паладин, вам, как новичку, проделавшему такой долгий и тяжкий путь, отец настоятель милостиво разрешил не присутствовать на всенощной...

Я воскликнул:

– Ура!

– ...утрене и службе после заутрени, – договорил он, – что в четыре часа утра...

– Вот щасте-то привалило, – сказал я.

Бобик приподнял голову, посмотрел на меня в поисках счастья, в глазах проступил укор, нехорошо обманывать, снова уронил голову и засопел.

– Вы также пропустите окончательный общий подъем, – продолжил Альдарен, – личную молитву и первый канонический час...

– Это когда собирается капитул? – спросил я. – Ну, я общую молитву произношу мысленно. У нас, паладинов, это получается неплохо – дисциплина ума называется. Читать главы из устава или Евангелия мне тоже не обязательно, я Библию знаю наизусть, могу на спор или шлобаны зачитать любой отрывок...

Он поморщился.

– Брат паладин, в этом нет необходимости. Как и нет заслуги в том, чтобы зачем-то заучивать Библию.

– Правда? – спросил я с интересом. – Почему?

– Не проще ли, – спросил он, – держать под рукой книгу? Но капитул нужен, на нем выслушивают отчет старших монахов о работах, сообщают о положении текущих дел... вам разве не интересно?

Я воскликнул:

– Еще как!

– А также, – добавил он, как мне показалось, значительно, – проводится дисциплинарная часть. Иных монахов обвиняют в нарушении дисциплины. Обычно они каются сами, но если их обвиняют братья, то в этих случаях дело разбирает обвинительный капитул...

– В общем, – сказал я, – я все это счастье пропустил? Мне надлежит быть только на утренней мессе, когда все монахи обязаны присутствовать в полном составе...

– За исключением тяжело больных, – подтвердил он. – Но это только сегодня. С завтрашнего дня вы подчиняетесь уставу без каких-либо послаблений.

Я спросил с тревогой:

– А который час?

Он взглянул на свечу, где отметки показывают интервалы в четверть часа, затем перевел взгляд на большие песочные часы в нарочито грубой подставке из некрашеного дерева.

– Через два часа наступит полночь, брат паладин, так что отдыхайте до самого утра. После утренней мессы вам предстоит помолиться в течение часа в своей келье, затем монастырская месса... а потом вам дадут какую-то работу.

– Вот спасибо, – пробормотал я жалко, – наконец-то! Щасте-то какое... А когда завтрак?

Бобик, услышав знакомое слово, тут же пробудился от глубокого сна и с требовательным вопросом в глазах воззрился на молодого монаха.

– Трапеза, – сообщил Альдарен дрогнувшим голосом, – будет около двенадцати. А легкий ужин с пяти вечера до половины шестого. Потом повечерие, а после него братья отходят ко сну.

– Хорошо, – сказал я. – Обязательно приду! Как не прийти? Не могу же пропустить такое... интересное мероприятие. Можно смело сказать, увлекательное до глубины души, хоть и для любителя, а я еще тот любитель церковного пения!

Он замедленно поклонился, явно стараясь осмыслить сказанное, и вышел, держась возле стены, чтобы не потревожить собачку ростом с теленка, а весом с быка.

Я торопливо оделся, на душе пакостно и тревожно. Из головы не идет то чувство близкой опасности, а также моя неспособность призвать оружие или что-то еще из так необходимых, как теперь кажется, вещей, оставленных, можно сказать, в стационаре.

В дверь мощно бухнули, как будто бревном, и она тут же отворилась, не дожидаясь моего отклика. Вошел брат Жак, огромный и медведистый.

– А-а, – сказал он довольно, – и не ложился?.. Иди пожри на ночь, а то по себе знаю, никакой сон не идет, когда брюхо пустое. Твоя собачка уже успела и за тебя? Молодец, я так и думал, она у тебя хозяйственная! А как насчет выпить?

– Она или я? – спросил я осторожно.

Он довольно хохотнул.

– Хороший вопрос. Чувствую, ты паладин еще тот! И вполне уживешься, у нас тут просто.

– Погоди, – сказал я, – а разве трапеза не в двенадцать?

– Точно, – подтвердил он, – трапезная – хорошее место, можно поговорить обо всем, но если хочешь пожрать, то либо проси, чтобы тебе принесли в келью, а если не слишком зажрался, то и сам сходишь... Кстати, твоя собачка так уелась, что чуть там спать не легла.

– Вот свинья, – буркнул я. – Правда, мы так долго добирались сюда по морозу, что ей надо восполнить потерю жировых запасов. А где у вас кухня?

– Я проведу, – сказал он. – Разве не долг наш заботиться о братьях наших меньших?

Я вышел вслед за ним, а когда проходил по коридору, свечи на стене вспыхнули ярче. Жак от неожиданности остановился так резко, что едва не ударился о выступ стены.

Я по инерции сделал еще пару шагов, следующие две тоже вспыхнули, как два маленьких солнца.

– Чего это они? – проговорил он с недоумением.

Я ответил натужно бодро:

– Да просто приветствуют гостя. Вежливые значит. Ты же свой, тебя чего замечать?

– Что значит, – спросил он сердито, – приветствуют? Раньше никого не приветствовали!

– Времена меняются, – ответил я. – Вернее, мы их меняем.

– Лучше бы не менялись, – проворчал он. – Так спокойнее.

Я сделал еще несколько шагов, там дальше свеча, горит едва-едва, однако только я подошел ближе, вспыхнула радостно и празднично, даже цвет пламени поменялся, хотя, на мой взгляд, пурпурный выглядит несколько зловеще в сравнении с желтым или оранжевым.

– Мне больше нравится, – сказал я, – когда времена меняются.

Он покосился на меня с неудовольствием.

– Пойдем быстрее, брат паладин!

– А что с Храмом? – спросил я на ходу. – Над ним часто такое вот... с тучами, молниями...

Он посмотрел равнодушно.

– Всегда.

– Ого, – сказал я. – И что?

– И ничего, – ответил он.

– А не вредит? – спросил я. – А что это хоть? Почему?

Он пожал плечами.

– Говорят разное, но мне кажется, просто темнят. Сами точно не знают и даже не догадываются. А когда начинают объяснять, то такое несут, что уши вянут и хочется в зубы двинуть... А когда сцепятся, то такое начинается...

– Что, – спросил я с недоверием, – никто не знает?

Он сказал с досадой:

– Что знают старшие монахи, нам неведомо. Они даже спят отдельно. В смысле, от нас отдельно. А молодые только строят догадки. У нас, да будет тебе известно, послушники по пятнадцать лет трутся, пока их допускают до монашества!.. Так что молодые монахи не обязательно с соплями до пояса. Говорят, то ли от демонов, осаждающих святую обитель, то ли от просто погодных явлений. Хотя, конечно, когда молнии становятся багровыми, а с неба падают камни, то это уже на дождь не похоже, но отец Леклерк все равно стоит на своем. Говорит, особые ветры могут поднимать даже камни и переносить на тысячи миль... но я все равно не понимаю, почему эти дурные ветры всякий раз обрушивают камни на Храм.

– И как, – спросил я, – повреждают сильно?

Он посмотрел на меня с удивлением и чувством превосходства.

– Ничуть. Наш настоятель ограждает обитель святым щитом. Все исчезает, аки дым пред очи Господа.

Следующий зал разделен на три части двумя ровными рядами колонн, толстых, как двухсотлетние дубы. Сверху соединены красиво и торжественно выгнутыми арками, но все серо, и сказочным контрастом в дальней стене три цветных витражных окна со стрельчатыми арками.

В конце коридора он отворил последнюю дверь, я оглянулся. Свечи продолжают гореть так же празднично, свет озаряет стены из камня, делая их похожими на полудрагоценные, что для монастыря вообще-то лишний соблазн.

– Мне нравится, – сказал я и переступил порог.

Комната небольшая, светлая, хотя при таких свечах это нетрудно. За большим общим столом уютно устроились трое монахов, все молодые, при моем появлении поднялись и вежливо поклонились.

Я сказал, скрывая неловкость:

– Я не аббат пока что, так что не надо, а то впаду в гордыню, а на мне и так грехов больше, чем на бродячей собаке репьев.

Брат Жак сказал бодро:

– Это вот брат Смарагд, это Жильберт, дальше Гвальберт Латеранец. Мы иногда завтракаем вместе... ну, а сейчас у нас промежуточная, так сказать, трапеза между ужином и завтраком.

Я сел, сказал осторожно:

– Но вы уверены, что ничего не нарушаете?

Интенсивнее всех в меня всматривается, как я обратил внимание, брат Гвальберт, крупный и с массивной абсолютно лысой головой, что сидит прямо на плечах, минув шею или вдавив ее так, что ее и нет вовсе, из-за чего поворачивается по-волчьи: всем корпусом.

Я ощутил, что по ту сторону глаз расположен мощный мозг, что смотрит через эти глаза, и хотя это у всех, но у него видно. Это когда смотришь в лицо брата Альдарена, помощника отца Мальбраха, елөмозинария, то какой там мозг, в пустой голове лишь вера во Всевышнего...

Брат Жак сел рядом и придвинул мне тарелку с жареной рыбой.

– Ешь, а то не успеешь.

– Отнимут? – спросил я опасливо.

– Мясо принесут, – ответил он со смешком.

– Ого, – сказал я, – я как-то по-другому представлял монастырскую жизнь.

Брат Гвальберт взглянул на меня, как показалось мне, с некоторым колебанием.

– Брат паладин... у нас монастырь, а не сборище немых аскетов. Мы помним, как святая Колумба каждую ночь читала Псалтырь, стоя в ледяной воде, а Бригита из Киндара в зимнюю ночь окуналась в пруд и молилась там...

Я порылся в памяти.

– Те, для которых Всевышний осушил тот пруд?

Он кивнул.

– Похвально знание таких вещей, брат паладин. Ты, оказывается, человек грамотный... Всевышний в первый раз осушил пруд, но когда его наполнили снова и Бригита подошла к нему, он вскипятил воду, так что ей пришлось отказаться от самой мысли погрузиться в нее. Понимаешь, что хотел сказать Господь?

– Еще бы, – ответил я. – Заставь дурака молиться, он и лоб побьет. А зачем Всевышнему набожные дураки? Ему нужны работники, что преобразуют негостеприимную землю, куда он пинком выбросил Адама, в райский сад наподобие того, который тот потерял!

Он просветлел лицом, вздохнул с превеликим облегчением.

– Святые слова, брат паладин. Ты, оказывается, не только грамотный, но и хорошие книги читал?

– Правильные, – уточнил я. – Хотя да, все правильное – хорошее. Жаль, хорошее не всегда правильное. Прекрасная, кстати, рыба! Такой нежной вообще еще не ел... давненько. Откуда?

– Из наших прудов, – живо ответил за Гвальберта Смарагд, быстрый и остроглазый монах. – У нас там всякая рыба! Даже разная.

Брат Гвальберт проговорил несколько настороженно, как мне показалось:

– Брат паладин, как вам у нас?

– Нормально, – ответил я, – только мне показалось, что приняли как-то странно.

– В чем?

– Опасливо, – сказал я, – что ли...

Жак гулко хохотнул.

– У нас уже полгода ждут визитатора. Вот и подумали, что ты можешь быть им самым.

– А те что, не представляются?

– Одни сразу, – ответил он, – другие погодя... Так бывает легче копать. Потому аббаты визитаторов не любят. Да и сами монахи...

Неслышно ступая, в келью вошел молодой монах или послушник с огромным подносом в обеих руках, опустил на край стола и начал перекладывать в блюда огромные куски прожаренного мяса.

– Здорово, – сказал я Жаку, – я думал, шутишь насчет мяса.

– Почему? – спросил тот. – Ах да, устав... Понимаешь, у нас тут разногласия насчет устава. Да и вообще... Грядут выборы аббата, наш аббат Бенедарий заявил, что устал и желает уйти на покой. Понимаешь?

– Еще бы, – ответил я мрачно. – Сразу же оказывается, что не все так единодушны во взглядах, идеях и даже реализации. И хотя аббат наверняка рекомендует на место настоятеля своего человека, но немалая группа против...

Наступила тишина, на меня смотрели во все глаза, а брат Жильберт сказал с уверенностью:

– Я же говорил, он – визитатор!

Остальные промолчали, только Жак пихнул меня локтем в бок.

– Что скажешь?

– При чем здесь визитатор, – сказал я, – это же всегда так, когда главу не назначают, а выбирают в результате свободных демократичных выборов. Когда-нибудь монахи эту весьма справедливую систему из желания делать добро навяжут всему миру, даже королей так будут избирать... мы сейчас видим самое начало, как это делается... Значит, есть оппозиция, есть претенденты на кресло настоятеля... Главный вопрос: не будет ли победа оппозиции катастрофой? Так уже бывало, предупреждаю.

Они переглянулись, брат Гвальберт проронил неспешно:

– Сложно сказано, но суть ясна. Если вы не визитатор, то почему здесь? К нам в монастырь так просто не заехать, дескать, мимо по дороге.

Я сказал так же медленно:

– А можно я напомню, что любые результаты выборов, любые ваши планы и задумки будут разрушены раньше чем через полгода... когда прибудет Маркус. Надеюсь, здесь-то о нем слышали?

В комнате повеяло ошутимым холодом. И это не ощущение, я отчетливо видел, как в полной чаше брата Жильберта поверхность покрылась тонкой корочкой льда, но едва он вздохнул и завозился на месте, моментально растаяла.

Все молчали, наконец тихонько подал голос брат Смарагд, вежливо помалкивающий во время умных разговоров:

– Вы прибыли в нужное место, брат паладин. Наш Храм... единственное, что уцелеет. Маркус нам не повредит.

Я сказал зло:

– А остальные? Разве мы не в ответе за всех людей на свете? Даже за дураков, хотя лично я, конечно, всех бы их перебил!

Гвальберт чуть повысил голос:

– Брат паладин, мы сами себя постоянно виним во всем, так что не надо... У вас что, есть возможность драться с Маркусом?

– Я всю жизнь дерусь, – отрезал я. – Почти всегда успешно! Возможно, пришла пора не прятаться, а дать бой?

– А что у вас есть? – спросил он.

– Много чего, – огрызнулся я. – Но с тем, чем я владею, Маркуса не победить, иначе не пришел бы сюда. Но, может быть, совместными усилиями?.. Может быть, что-то успеем придумать?.. Изобрести? Создать?.. Помните, Господь, насылая потоп, предупредил об этом за сто тридцать лет!..

Брат Жильберт спросил озадаченно:

– Вы хотите сказать, что если бы люди покаялись... пусть не все, а какая-то часть, то Господь отменил бы потоп?

– А вам такое не говорили? – спросил я зло. – Человечество все держится на подвижниках. Народ составляют святые, а не толпа, даже если в этой толпе все человечество. Даже ради одного праведника держится мир!

Брат Жильберт спросил несмело:

– Но ради Ноя не отменил...

– Ной был хорошим человеком, – напомнил я, – но не был праведником, что и стало видно, когда после потопа посадил виноградник, наделал вина и упился так, что голым валялся на земле... Он просто был лучшим среди тех скотов, в которых превратились люди, потому его и взяли черенком для нового сорта человечества. Сейчас же, похоже, этому виду предстоит новое испытание... Господь, как и Ною, дает шанс.

– Глубокие пещеры? – спросил Жильберт.

– Нет, – отрезал я. – Пещеры – то же самое, что ковчег!.. Но сто тридцать лет были дадены Ною вовсе не на постройку ковчега!

Смарагд сказал быстро:

– Но в пещерах мы, как и Ной, можем спастись и дать начало новому человечеству...

Я быстро посмотрел на остальных: что-то не видно радости, хотя и спасутся.

– Господь, – сказал я с нажимом, – будет счастлив, если мы выкажем себя взрослыми и дадим Маркусу отпор!

Брат Гвальберт сказал мрачно:

– Господь дал Ною и его поколению сто тридцать лет... а нам меньше чем полгода?

– Он дал нам пять тысяч лет, – возразил я жестко, – между визитами Маркуса!

Он тяжело вздохнул, посмотрел на меня исподлобья.

– Хорошо. Я с тобой, брат паладин. Это сумасшествие, но погибнуть за других людей – угодно Творцу.

Брат Смарагд сказал пылко:

– И я!

– Считайте и меня, – сказал Жильберт. – Мне всегда казалось нечестным спастись, когда все люди на земле погибнут.

Гвальберт пробормотал с иронией:

– Думаю, Господь зачтет, что мы могли спастись, но предпочли остаться с грешными людьми, которым безуспешно несли свет и просвещение. Брат паладин, как ты видишь это самое сопротивление Маркусу? Что мы вообще можем сделать?

Я перевел дыхание, крохотный шагок сделан, заговорил как можно убедительнее:

– Для выживания все средства и методы хороши. В моем королевстве, когда отбирают самых лучших бойцов для важнейших боев, заставляют проползти по канавам, заполненным нечистотами. Кто отказывается или не выдерживает, того возвращают в ряды... простых воинов.

Гвальберт поморщился.

– Жестко, но... оправданно. Рыцари, понятно, отказываются.

– Потому им нет места в будущем, – сказал я. – А мы должны хвататься за все, что может помочь в борьбе с Маркусом. Я уже говорил с некоторыми иерархами церкви... Они с пониманием отнеслись, что надо привлечь к сражению всех колдунов, магов и волшебников, а также всех тех, кто все равно обречен на гибель: троллей, эльфов, огров...

Я услышал потрясенный «ох», но не сводил взгляда с Гвальберта, он здесь самый авторитетный, а его явно корежит при упоминании, что придется кооперироваться с проклятыми магами.

Он долго хмурился, сопел, морщился, наконец проговорил тяжелым, как горы, голосом:

– Давайте отложим до утра. Днем, если будет возможность, переговорю еще кое с кем.

Выясним...

Он замолчал, раздумывая или подбирая слова, я пришел на помощь:

– Что именно можем сделать?

Он огрызнулся:

– Мы ничего не можем! Только отыскивать тех, кто готов хоть что-то делать...

Брат Смарагд поднялся первым, голос его звучал достаточно бодро:

– Я переговорю с братом Анселем и братом Райнеком.

– А я с самим отцом Леклерком, – сказал Гвальберт; я понял по его тону, что этот самый отец Леклерк и есть глава оппозиции или одна из ключевых фигур.

Глава 4

Бобик поднял голову, взгляд внимательный, я сообщил, что все в порядке, проветриться выходил, а что ночь – неважно, лег на ложе не раздеваясь и закинул ладони за голову.

И все-таки сон не идет. Я вспомнил, что в монастырях жизнь не замирает ни на минуту, ночные бдения здесь в ходу и приветствуются, облачился в доспехи, сверху надел оставленную для меня монашескую рясу, надвинул капюшон поглубже на лицо и вышел из кельи.

Монашеское одеяние просто идеально для шпионов и убийц: никто не видит твоего лица, а под широкой рясой можно спрятать целый арсенал.

В доспехи влез вовсе не потому, что чего-то опасаясь, просто надо отстаивать свои привилегии, которые хозяева всегда хотят по меньшей мере ограничить. И хотя паладины в общем подчиняются церковным правилам, однако внутри этих правил у нас, как уверен, весьма широкие возможности и полномочия.

Капюшон мне нужен потому, что до того, как отличительными признаками монаха стала его ряса, их узнавали издали по тонзуре. Не знаю, кто придумал, но верхушку головы брили, а оставшиеся волосы как бы символизировали и доныне символизируют венец апостола Петра, основополагающий камень церкви и первого папу римского.

Когда тонзуру выстригают у новичиев, то читают семь псалмов, а потом уже шесть раз в год стригут в полной тишине. Самые продвинутые монахи выделяются среди серых собратьев необычными тонзурами, которые изобретают сами или обезьянничают у еще более авангардных хиппарей, так что аббаты то и дело выпускают строжайшие предписания, требующие единообразия и возврата к традициям.

К счастью, я не новичий, а гость, и хорошо еще, что это не орден валломброзанцев, у них новичии с первого же дня должны голыми руками вычистить свинарник. А еще, давая обет, в течение трех дней лежат распростертыми на полу неподвижно и храня «сугубое молчание», этого я бы точно не вынес, разве что ухитрился бы заснуть на это время.

Коридор вывел в прямоугольный зал, где с одной стороны колонны якобы поддерживают свод, а с другой из ниш молча и вопрошающе смотрят деревянные фигуры святых и подвижников.

Монахов почти нет, лишь однажды промелькнула вдали фигура в таком же, как и у меня, надвинутом на глаза капюшоне. Я только успел разглядеть узкий и раздвоенный, как козлиное копыто, подбородок, как монах исчез, словно ушел сквозь стену.

Из зала ведут две лестницы в разные стороны, однако обе наверх, а мне чудится, что все самое важное находится где-то внизу, оттуда доносится ровный гул, будто за толщей скальных пород работают огромные механизмы.

Из боковой двери появился приближающийся свет, стал заметнее, ярче. В зал вошел монах с так глубоко надвинутым капюшоном, что упрятан даже подбородок, что же он видит...

Вокруг головы сияние, нет, вокруг всего тела, только от головы ярче. Я охнул нарочито громко:

– Как здорово! Это что с тобой, брат?

Он повернул голову в мою сторону, замедлил шаг, я смотрю с прежним интересом, он нехотя остановился.

– Брат, – прозвучал тихий голос, – это не моя заслуга...

– Открой личико, – сказал я, – а то как-то не совсем вежливо. Вроде бы гордыня... Я паладин, зовут меня Ричард.

– Я брат Целлестрин, – прошелестел он.

Я смотрел, как он поспешно поднял капюшон, но не отбросил за спину, а оставил на уровне чуть выше бровей. Лицо бледное, изнуренное, но красивое той трепетной интеллигент-

ностью и духовностью, что любим в друзьях, но не хотели б иметь в себе из чувства благоразумия и трезвого понимания, в каком мире живем.

И самое удивительное – от лица идет чистый свет, а когда он взглянул по-детски распахнутыми глазами, наивными и бесхитростными, я задохнулся от ощущения счастья.

– Я слушаю тебя, брат, – произнес он вежливо и стеснительно. – Я вижу, ты человек новый.

– Да, – ответил я, – этот дивный свет...

Он сказал виновато:

– Я ничего не могу сделать, чтобы его скрыть, прости.

– За что?

– Да так, – сказал он стеснительно. – Сколько раз пытался сделать его незаметнее, но он все ярче и ярче. Прости, брат, за невольное...

Я прервал:

– Нет-нет, я в восторге! Замечательно, что ты такой. Нельзя становиться незаметным, никто подражать не будет. Это должно быть заметно, весомо, зримо...

Он поклонился, снова надвинул капюшон на лицо и пошел, сгорбившись и почти касаясь плечом стены, к дальнему выходу из зала. Он так усердствовал в своей скромности, что я едва не выругался вслух от злости за его неверное понимание основных постулатов в целом вообще-то великолепного учения – христианства.

Громко лязгнуло, это отодвинулся тяжелый металлический засов, прячась в железные петли. Массивная дверь с готовностью распахнулась, словно дюжие слуги поспешно открыли ее перед королем.

Я постоял с целую минуту, тупо глядя на услужливую дверь.

– Нет, – сказал я себе, – хоть часок, но поспать надо. А то тут и рухнуть недолго.

Первое требование устава предписывает вставать зимой до петушиного пения. Я надеялся, что петухов здесь не отыщется, но едва сомкнул глаза и начал погружаться в непонятный пока сон, как услышал откуда-то снизу хриплый и наглый крик, тут же горлопана поддержали другие петухи.

Если в других монастырях приходилось наблюдать за звездами, чтобы отсчитывать время, замерять длину тени, то здесь я еще вчера увидел клепсидру в большом зале, так что в комнатах монахов наверняка есть песочные часы самого разного размера.

Следом за пением петуха, хотя какое это пение, отвратительный хриплый крик, донеслись удары колокола.

Я раскрыл глаза, уже четко зная, где я и с какой миссией, никакой затуманенности в мозгу, только полудурки просыпаются и пытаются понять, чего это они тут оказались.

Камин полыхает ярко и жарко, несмотря на ряд свечей вдоль стен, а на столе ко всему еще и большая лампа, хотя это та же свеча, только побольше, накрытая колпаком из матового стекла, чтобы оранжевый огонек не досаждал утомленным от долгого чтения глазам.

Я торопливо слез с постели. Если монах не поднимается с первым же ударом колокола, это уже серьезный проступок, который рассматривается на обвинительном капитуле, ибо запоздавший может не успеть к заутрене. Я вообще-то гость, гостям в монастырях дают некоторые послабления, но гости сами ими не злоупотребляют, ибо «в чужой монастырь со своим уставом не ходють».

Ряса по мне, хотя в плечах узковато, а рукава широки уж чересчур, еще непонятно, кто разжег камин, пока я спал, и почему Бобик позволил кому-то войти... если только камин не возжегся сам, среагировав ночью на понижение температуры, и откуда взялась лампа...

Напялив рясу, я тихо вышел, ступая на цыпочках, а дальше сунул руки в рукава друг друга и пошел, склонив голову, стараясь ничем не выделяться, а это нетрудно, когда в рясе до пола и с капюшоном, скрывающим лицо.

Для монахов достаточно было бы выращивать хлеб по той же технологии, по которой растут свечи, а воду можно добывать, растапливая снег, однако в монастыри частенько идут наиболее умные и предприимчивые и создают хозяйства, на сотни лет опережающие свою эпоху, в чем я убедился и на этот раз, проходя мимо мастерских, складов, и в конце концов спустился по широким выдолбленным в толще камня лестницам в пещеры под Храмом.

Похоже, монахи давненько обнаружили, что там внизу текут не только ручьи с чистой водой, но и реки, в которых водится удивительно вкусная и нежная, совершенно безглазая рыба.

Один из монахов могучего сложения приволок мокрую сеть и со вздохом облегчения свалил ее в угол. Постоял, опираясь на толстый длинный шест, к которому прикреплена сеть, а когда поднял голову, я узнал брата Жака.

– Слава Всевышнему! – воскликнул я. – Хорошо, что встретил тебя, брат Жак, ибо ты понравился мне!

Он оглянулся, на лице появилась широкая ухмылка.

– Что, поработать захотелось?

– Да, – сказал я с восторгом. – Еще как!.. Очень!.. Правда, не сейчас и не здесь, а так даже как-то сам себе не верю, такой энтузиазм, такой энтузиазм!

Он улыбнулся еще шире.

– В это верю. Что, в самом деле нравится здесь?

– Да, – ответил я и, понизив голос, поинтересовался: – Что с братом Целлестрином?

Он помолчал, подумал, посмотрел исподлобья.

– А что не так?

– Да все так, – ответил я, – даже слишком. От него прет свет во все стороны, как от тебя запахом вина. Засовы перед ним отодвигаются, двери распахиваются, чуть ли не осанну поют... Он что, святой?

Он снова подумал, сдвинул глыбами плеч.

– Не знаю. Мне самому казалось, что святыми могут становиться только мудрые старцы.

– Ну да, а он вроде бы не старец...

– Точно, – подтвердил он. – Я помню, когда он пришел. Совсем сопляк еще... Но он так неистово истязал свою плоть, так страстно жаждал просветления и очищения... этой, как ее... ага, души, что... ну вот это и ага.

– Значит, – спросил я с замиранием сердца, – все-таки святой?

– Ну, – сказал он в затруднении, – типа да.

– Настоящий?

– А этого никто не знает, – ответил он. – Еще больных излечивает одним прикосновением, любые тревоги может отогнать, стоит заговорить участливо... а он очень добрый, перед всеми душу распахивает, всем готов помочь так, что хоть бей его...

– А как, – спросил я, – он всего этого добился?

Он поскреб в затылке, лицо стало задумчивым.

– Долго и трудно, – сказал он нехотя, – боролся со злом в себе.

– Разве он один? – спросил я.

Он криво улыбнулся.

– Точно подмечено! Все мы боремся, изгоняя из себя соблазны, похоть, нечистые желания, но у всех по-разному, понимаешь?

– Еще как, – согласился я. – Я вот тоже борюсь, но недолго.

– Побеждаешь?

– Нет, – пояснил я, – сдаюсь. А они сразу же теряют ко мне интерес и уходят. И я снова почти праведник.

Он посмотрел на меня озадаченно и с растущим уважением.

– Вот как... Хитро... Надо как-нибудь... Но Целлестрин прост, он бил в одну точку, и у него, похоже, получилось лучше, чем у других.

– А остальные?

– Пока только он.

Я сказал подбадривающе:

– Но и ты, наверное, близок?

Он покачал головой.

– Не смейся. Я весь из соблазнов и пороков. А по нему видно, что никогда не воровал яблоки из чужого сада, как святой Августин. С молитвами, ночными бдениями, мольбой об очищении он вообще стал недосыгаем для нас... Я как вспомню, когда увидел в коридоре тот яркий свет из-под его двери!

– Ну-ну?

– Я первым вбежал к нему, – сообщил он с некоторой гордостью, но тут же перекрестился, – и увидел тот неземной свет, исходящий от его лица! Выражение было такое кроткое и всепрощающее, что даже меня проняло, а это не так просто ввиду моей великолепной и такой нужной для жизни толстокожести. Братья, понятно, пали на колени и вознесли Господу благодарственную молитву.

– Представляю, – сказал я.

– Да, – согласился он. – Это было громко.

– Счастливые вы здесь, – сказал я. – А на тебя как взгляну, так плакать хочется. От зависти.

Он вздохнул, оперся обеими руками на шест и прижался к нему щекой, отчего вся огромная рожа перекосилась.

– С того дня, – сообщил он, – брат Целлестрин и стал творить чудеса. Пусть не великие, но, смекаю, постепенно вырастет, как думаешь?

– Я просто уверен, – ответил я бодро. – Значит, он постоянно творит чудеса?

– Небольшие, – снова уточнил он, – зато часто.

– Остальные завидуют?

– Еще бы! Сам понимаешь, другие вообще кипятком разбрызгивают!

– Особенно молодежь, – согласился я. – А что говорит аббат?

Он пожал плечами.

– А что он скажет? Ставит в пример. Говорит, из брата Целлестрина вот-вот вылупится очень великий подвижник, раз он уже сейчас праведник перед Господом. И предвещает, что брату Целлестрину предстоят великие дела и свершения.

От тележки с рыбой в нашу сторону крикнули и помахали руками. Брат Жак сказал добродушно:

– Надо идти работать. А то поговорить мы все любим. Даже без вина.

– Ну, – сказал я, – вино будет. Настоящее, церковное.

Он посмотрел с недоверием, я лишь загадочно улыбнулся. Вообще-то почти любое вино создано монахами, начиная от шампанского и всевозможных ликеров и кончая уже не вином, а грогом, глинтвейном, ромом и виски, но среди обывателей утвердилось мнение, что только кагор считается церковным вином, раз им причащают в церкви. Так что угощу их для начала кагором.

Похоже, местные монахи, не довольствуясь простой рыбной ловлей, разводят рыбу в искусственных прудах, так называемых садках, видно по тому, какие отборные рыбыны на

тележках, все одинакового размера и откормленные так, как никогда им не удастся отожраться в диких условиях...

– Брат паладин!

Я оглянулся, меня торопливо догоняет брат Альдарен, помощник самого елөмозинария отца Мальбраха.

– Приветствую тебя, брат, – сказал я приветливо. – Как спалось?

Он ответил с горделивой кротостью:

– Я эту ночь не спал.

– Ого, – сказал я, успев вовремя проглотить шуточку насчет горячих потных баб. – Работал?

– Молился, – сообщил он. – Лежал на полу перед распятием, раскинув руки крестом, и просил заметить меня, скромного слугу Божьего...

– Зачем? – спросил я с удивлением. – Ты какой-то язычник... Создатель наш велик, не знал? Он видит все и всех, слышит даже топот ног муравья, бегущего за добычей! Предполагать у него тугоухость – кощунство, брат.

Он вздрогнул, сказал испуганно:

– Но молитва же... чтобы Господь услышал?

– Он и так слышит, – заверил я, – даже мысли! Предполагать иное – умялять его величие. А молитвы... что молитвы? Они для того, чтобы самому лучше понять и сформулировать, что же в конце концов хочешь. Ты чё хотел хрюкнуть?

– Совместная трапеза, – напомнил он. – Присутствуют все, кроме тяжело больных. И все гости.

– Для меня как бы честь, – сказал я высокопарно. – Веди, брат, здесь нам не грозит попасть в жаркие и цепкие лапы распутных, но веселых дев...

Он вздрогнул и торопливо перекрестился, а затем еще и забормотал молитву.

– Вот так, – сказал я поощряюще, – а можно и еще тише.

Он сказал слабо:

– Молитвы... молитвы в самом деле помогают весьма как бы не совсем так, как ждут. Это только слова. А вот ночные бдения перед алтарем...

Я спросил осторожно:

– А есть разница?

Он кивнул.

– Огромная. В молитве просишь, чтобы Господь выполнил за тебя какую-то черную или тяжелую работу, а в бдении раскрываешь свою душу, копаешься в ней, высвечиваешь все темное, что еще осталось, а его всегда много, и не просишь Господа за тебя что-то сделать, а спрашиваешь совета, как самому сделать эту работу быстрее и правильнее.

– И что, – спросил я, – помогает?

Он взглянул на меня с иронией.

– Я понимаю ваше недоверие, брат паладин. Но разве не так брат Целлестрин получил святость?.. Более того, открою вам, как человеку, что пришел и скоро уйдет, некоторые наши отцы через бдения обрели дар творить чудеса... перед которыми брат Целлестрин просто щенок.

Я охнул.

– Через бдения? Самосозерцания?..

– Инквизиционное самосозерцание, – уточнил он. – Ведь можно самосозерцать спокойно и бесстрастно ради самого самосозерцания, но если смотреть внутрь себя с неистовой страстью выжечь слабости и укрепиться духом, то... некоторым удается. Эти люди, не буду называть их имена, в самом деле способны сдвинуть горы.

Я смотрел потрясенно.

– Брат Альдарен... вы меня удивляете зело. Я вам почти верю, а это весьма нечто.

– А я вижу, – проговорил он медленно, не сводя с меня испытующего взгляда, – вы сами уже рветесь пройти, хотя еще не отдаете себе отчет, обряд посвящения и суровый период бдения!

– Да? – переспросил я в полном смятении. – Не знаю, вы правы. Я об этом не думал, но когда такие возможности... хотя бы шанс... гм, творить чудеса одним щелчком пальцев...

Он окинул меня чуть скептическим взглядом, дескать, чудеса делают не так, вдруг глаза его чуть расширились, а брови полезли на середину лба.

– Брат паладин, – вскричал он тоненьким голосом, – что это у вас?

Его палец обвиняюще указывал на мою рясу, где навершие рукояти меча оттопыривает ее характерным бугорком.

– Мои атрибуты, – ответил я с достоинством, – как у вас, скажем, тонзура. Ибо я весьма паладин!

Он воскликнул:

– Брат паладин, мы в мирном храме!.. Имеет ли смысл вам не расставаться с мечом? Это же оскорбление для Храма, нашего монастыря и всех здесь обитающих!

– Милый братец, – проговорил я медленно, – я ценю твою заботу о Храме и целомудренности монахов. Но как ты не можешь пойти по Храму голым, так и я не могу без меча. Рыцарь без меча уже голый.

Глава 5

Зал для совместной трапезы велик и просторен, однако же упрощен до того предела, когда скромность вот-вот перейдет в свою противоположность, ибо скромностью гордиться можно еще как, даже не гордиться, а гордыниться.

Я с тоской взглянул на стену, там должны бы красоваться различные мечи, топоры, молоты, кинжалы, мизерикордии, а на стене слева – луки, арбалеты, пращи... но, увы, с обеих стен смотрят только строгие лики святых.

Правда, в самом дальнем конце прямоугольного зала стена отдана под деревянные скульптуры. Я сконцентрировал зрение и рассмотрел мощно и красиво вырезанные фигуры как святых, так и противников: вот смерть с косой в костлявой руке скелета, у нее королевская корона на голове, оскаленные зубы, ниспадающий с плеч плащ, скрепленный на груди золотой пряжкой с большим рубином, – как же у нас у всех вкусы схожи.

Святая Дева с младенцем в руках, похожим на уменьшенную копию взрослого человека, ну да, еще не научились искусству пропорций, три коленопреклоненных мужика... судя по ослику рядом, волхвы, что пришли в конюшню поклониться Иисусу.

А вот еще зубчатая стена, с которой бородатые люди сбрасывают камни на огромного змея, что ползет себе мимо, только поглядывает наверх с обидой...

Правила этикета придуманы монахами, это я знал раньше, а сейчас убедился, когда смиренно прошел к столу строго вовремя, как и предписано уставом. Иначе, дескать, пренебрегу молитвой, читаемой перед вкушением, а это не просто нарушение этикета, но даже этики.

С вымытыми под присмотром других монахов руками я встал перед указанным мне за столом местом и в молчании ждал аббата. Аббат, очень-очень древний старик, невысокий и с неприметным лицом, явился буквально через минуту после того, как вошли гурьбой последние из монахов, помолчал мгновение и начал дряблым скрипучим голосом читать *De verbo Dei*.

Я стоял молча, неподвижно, не глядя по сторонам и не дотрагиваясь до салфетки. Все тоже стоит молча, неподвижно, глядя перед собой. Жизнь в узком кругу диктует строгое соблюдение правил, дабы не было трений, к тому же строгий устав ордена порождает постоянный контроль над собой, как ради себя, так и ради остальных. Так что да, монастыри со временем уйдут, а их правила этикета останутся уже для общества, сперва аристократического, потом разделятся на деловой, дипломатический, светский и всякие прочие.

Когда аббат закончил «О Слове Божьем», монахи начали тихо и степенно опускаться на лавки. Я напомнил себе, что хотя жрать уже хочется, но нельзя до подачи первого блюда есть хлеб, хотя он только что испечен и источает одуряющие ароматы. Лучшие пекарни, естественно, в монастырях, как и лучшие пекари и булочники.

Когда приступили к трапезе, я обратил внимание, что никто не заглядывает к соседу в тарелку, не оглядывается по сторонам, не беседует с друзьями, а молча и с достоинством вкушает, глядя только в свою тарелку. Даже самым галантным из рыцарей далеко еще до настоящего этикета, пока он только в монастырях, а выйдет не так уж и скоро. И то по частям.

Иногда кто-то из монахов подавал знак, что у соседа опустела тарелка, а когда тому подавали недостающее, благодарил кивком, в то время как тот, кому наполнили тарелку, скромно помалкивает, ибо заботиться надлежит о других, а не о себе.

Все происходит в полном молчании, нельзя даже грызть орехи, а только вскрывать их ножом или давить специальными щипцами.

Те из монахов, кому выпала честь прислуживать за столом, подали на первое кашу, на второе овощи и зелень: салат-латук, кресс-салат, керель, петрушку, редис, салат, огурцы, капусту, лук-порей. Также подали и «корешки», это все то, что растет под землей: репа, редис, пастернак, спаржа...

В больших широких чашах поставили на стол также лесные и грецкие орехи, мушмулу и персики, клубнику и вишни, смоквы, каштаны и айву...

Я спросил шепотом брата Жака, едва шевеля губами и не глядя в его сторону:

– Разве сейчас не зима?

Он шепнул:

– Брат, ты не видел, что у нас в подземельях!

– Даже не представляю, – ответил я.

– Приходи, все покажу...

Вода в кувшинах чистейшая, родниковая, я поглядывал на других исподтишка и пил, как они, держа стакан обеими руками, можно только так, в этом великий смысл, ибо так каким-то непонятным мне образом чтится память отцов и всех прародителей.

Правда, остальные монахи сделали по глотку, а то и вовсе только коснулись губами и тут же принялись за вино. Его на столе в изобилии, нет монастыря без больших запасов так называемого монастырского вина, когда слово «монастырское» служит синонимом «лучшего из лучших». Вино в Библии упоминается всегда в положительном смысле, а единственный праведник, по мнению Господа, Ной, посадил виноградник и упился так, что лежал пьяным совершенно голым, однако без особого осуждения даже со стороны родни.

Первой задачей любого визитатора становится проверка запасов вина, его обязательно должно хватить до следующего урожая, иначе аббата долой, приора долой, келаря долой.

Насколько я помню, вина разрешалось на рыло до четырех литров в день, что вообще-то понятно, если учесть, что простую воду в монастырях вообще-то не потребляли практически никогда, за исключением наказаний, когда сажали «на хлеб и воду».

Те, кто уже пожрал быстро, сидят в молчании, аббат же зорко смотрит, чтобы и самые медленные насытились, я бы уже прибил этих неторопливо пережевывающих черепах, и наконец поднялся из-за стола, худой, сморщенный, но величественный, как монарх.

Все монахи встали, каждый пробормотал слова благодарственной молитвы, это слилось в тихий шелест, словно под полом разом заскребились обнаглевшие мыши.

Аббат повернул голову к толстенькому пухлому человеку с добрым лицом, тот отыскал меня взглядом и сказал мягким голосом:

– Братия, считаю приятным долгом сообщить, что к нам прибыл из дальних южных королевств брат паладин. Он является верным слугой церкви, но ввиду того, что он еще и паладин, то освобождается от строгого следования нашему уставу, за исключением, конечно, ежедневной мессы, обязательной для всех, в том числе и гостей.

Аббат произнес ровным, хотя и скрипучим от старости голосом:

– Разумеется, чтобы войти в братство и стать полноправным членом ордена, ему придется пройти по всем ступенькам искуса.

Брат Жак толкнул меня локтем в бок.

– Повезло...

– Какое повезло, – шепнул я. – Ты же слышал, по всем ступенькам...

Он скривил лицо.

– Куда хуже эти мелкие ежедневные и ежечасные обязанности.

Монахи спокойно и без суеты начали покидать трапезную, но я смотрел на то место, где только что был аббат.

Там пусто, а монахи толпятся со всех сторон, так что незамеченным он бы выйти не сумел.

На выходе из обеденного зала я обратил внимание, как один монах что-то сказал другому резко, а тот лишь виновато опустил голову, однако эта мелочь незамеченной не осталась, отец Мальбрах жестом подозвал первого и сказал мягко, но твердо:

– Брат Галлий, ты забываешь о милосердии и вообще человеческой сдержанности.

Монах воскликнул:

– Я хотел его только поправить!

– А не поранить? – спросил отец Мальбрах. – Воздержись, сын мой, от любого осуждения до завтра. За ночь, возможно, передумаешь сказать то, что собирался. Иди с Богом!

Он перекрестил монаха, тот поцеловал ему руку и поспешно удалился мелкими шажками, хотя вообще-то при его росте ноги должны быть длинными.

– А что, – поинтересовался я, – брат Галлий был неправ?

Отец Мальбрах покачал головой.

– Любезный брат паладин... Уставы всех монастырей гласят, что никогда не следует порицать в тот же день того, кто уже получил духовное увещание. Следует избегать высказываний под влиянием гнева. В миру люди могут вести себя несдержанно, что свойственно животным, а здесь все обязаны вести себя тактично.

Я пробормотал:

– Меня впервые называют любезным... Даже не знаю, хорошо это или плохо.

Он сказал со вздохом:

– Что значит, ты слишком долго был в миру. Учтивое обращение «любезный брат» или «дорогой брат» принято даже у тамплиеров, а они все воины, редко выпускающие из рук мечи. Их образ жизни склонил бы простых людей к великой грубости, но тамплиеры – монахи-воины, и любые бранные или грубые слова даже у них запрещены, приказы отдают без грубости, а что уж говорить про нас?

– Да, – согласился я поспешно, – вы интеллектуальная элита. Над чем работаете?

Он запнулся, слегка поморщился, помолчал – в монастырях думают быстро, но отвечают не сразу, чтобы ни лишнего слова, а то бывает чревато, если говоришь с людьми знающими.

– Любезный брат паладин... У нас достаточно большой монастырь.

– Понятно, – сказал я с удовлетворением, – много творческих задач, много разработок, еще больше в проектах, задумках... Похоже, меня направили сюда в самом деле не зря.

Он поинтересовался мирно, но я уловил настороженность в его тихом голосе:

– Можно поинтересоваться, кто направил?

– Тертуллиан, – ответил я.

Он вскинул брови, я ощутил прощупывающий взгляд.

– Квинт Септимий Флоренс?

– Ого, – сказал я невольно, – а я думал, его зовут Тертуллианом! Значит, это не имя?.. Хотя неважно, других нет и быть не может. В общем да, он довольно настойчивый и злой. А когда ярится и кричит... не знаешь, куда и прятаться.

– Да, – произнес он мягко, – неуживчивость его была весьма... заметной. Помню, как-то раз... Хотя вы правы, любезный брат паладин, нужно заниматься сегодняшним днем. Вас интересуют, как понимаю, наши достижения в военной области? Увы, мы мирные монахи...

– Все мирное, – бодро сказал я, – часть войны. А любой мир – только короткое перемирие, да и то в одном месте, а в других войны гремят, гремят, совершенствуя род человеческий. Хотя меня вообще-то интересует все. Я не свинья какая-то разборчивая, я всеядное. В смысле, все достижения, что ведут к возделыванию райского сада на земле... можно еще сказать, строительства Царства Небесного, я потребляю, и даже зело.

Он слушал, иногда чуть наклонял голову, соглашаясь или принимая сказанное, а я ошалело старался понять, почему мое сообщение, что я здесь по направлению Тертуллиана, не вызвало особого удивления.

И вообще странное ощущение, словно отец Мальбрах знает Тертуллиана тоже. И даже лучше меня. Что вообще-то объяснимо, оба церковники, однако... как?

– Отдохните с дороги, брат паладин, – произнес он мягко, – у вас будет время поговорить с монахами, а затем и с иерархами Храма.

– Вообще-то я уже отдохнул, – возразил я. – Сколько можно?..

– Тогда сходите в часовню, – посоветовал он.

Я спросил с настороженным интересом:

– А что там?

Он пояснил с мягким упреком в голосе:

– Можете помолиться. Разобраться в себе.

– Ну вот еще, – возразил я, – стану я с собой разбираться! Вот если бы за мое примерное благочестие подбросили воинской святости в духе усиления ударной мощи... То ли дело с магией, там все проще!

Он подумал, посмотрел на меня с сомнением.

– Полагаете? Это значит, вы далеки от понимания. Все не так...

– А как?

– Магию надо копить долго, – произнес он сухо и ровно, – а святость присутствует всегда. Потому благородному паладину должно быть все равно: встретился один нечистый или тысяча, его святость всегда при нем и всегда служит защитой. Единственно уязвимое место у такого человека – сомнение в правоте своего дела. Усомнится в том, что на верном пути, святость уменьшится либо покинет вовсе.

Я вспомнил Тамплиера, не совсем честно его подставил, а выиграл схватку только потому, что схитрил, потому что честно у такого не выиграть.

– Уж в этом я убедился...

– Для мага, – продолжил он, – нет необходимости верить в правоту своего дела. Магия работает вне зависимости, каков человек: хорош или плох, силен или слаб, на стороне добра или зла. Потому магом стать намного проще, как вы понимаете, сэр Ричард.

Я встретил его прямой взгляд.

– Понимаю, святой отец. И даже понимаю, зачем вы это сказали.

Пока мы разговаривали, он незаметно подвел меня к дверям часовни, дверь распахнута настежь, я успел увидеть небольшую комнату, почти маленькую церковь, но без алтаря, на стене крупное распятие с фигурой человека, справа и слева деревянные фигурки святых.

Он проговорил неспешно, глаза оставались такими же строгими:

– Тогда вы можете войти, брат паладин. Попытаться войти.

Я молча шагнул в распахнутые двери. Когда переносил ногу через порог, ощутил сильнейшее сопротивление, словно ломился через встречный ураган, который не ревет и не разметывает волосы, но стремится вообще отшвырнуть, но я стиснул челюсти и, заявив, что я здесь по праву, ломанулся вперед.

Отец Мальбрах вроде бы заметил, что я не просто вошел, я проломился, как будто снес каменную стену, и быстро спросил:

– Что с вами, брат паладин?

– Да это я усомнился в своей чистоте, – ответил я скромно и благочестиво, – подумал и заколебался, достоин ли... но потом вспомнил, что да, я паладин и воин Господа, так что да, вот.

– А-а-а, – протянул он, – правильно, в своей чистоте нужно сомневаться всегда, ибо чистыми никогда не бываем настолько, чтобы считаться действительно чистыми.

– Аминь, – ответил я и перекрестился.

– Аминь, – сказал и он, хотя по лицу я видел, что поразглагольствовать ему еще хотелось, еще как хотелось, все старики любят свысока поучать молодежь, что всегда для них зеленая и недоразвитая. – Оставляю вас здесь, брат паладин. Можете помолиться, ибо совсем скоро вас примут иерархи Храма.

– Аббат?

– Вряд ли, – ответил он. – Но приор... вполне возможно.

Я перекрестился, пошлепал губами, дескать, молюсь беззвучно и в ускоренном режиме, Творец поймет, Он вообще-то понимает много чего, так что не надо про церкви и часовни, Всевышний и в пустыне услышит, даже в лесу, если не слишком густом...

Отец Мальбрах с изумлением наблюдал, как я кивнул распятию, повернулся, вышел из часовни. Он поспешил следом.

– Уже?

– Да, – ответил я скромно. – Мне просить Создателя не о чем, Он и так одарил меня выше крыши. Я скромный, знаете ли. Весьма. Все наоборот, я как раз думаю, что для Создателя сделать... если не полезное, ведь неисповедимы Его пути, то хоть приятное? С другой стороны, раз пути неисповедимы, то, видимо, неисповедимы и вкусы... Как полагаете, отец Мальбрах?

Он вздрогнул, перекрестился.

– Вы в такие дебри заезжаете, брат паладин!.. Я бы не советовал.

– Почему?

– Свихнетесь, – предположил он. – Творец выше вас, как вы, к примеру, выше муравья.

– Резонно, – согласился я, – но если учитывать, что Создатель сотворил нас по образу и подобию своему...

– Это в духовном смысле, – сказал он. – А вкусы... это не духовность.

– А что?

– Чревоугодность, – сказал он после раздумья.

– Фи, – сказал я, – как не стыдно, отец Мальбрах! Я имел в виду вкусы насчет музыки, живописи, тонкой эстетики... Или, по-вашему, это дьявол заложил в человека?

Он снова задумался, голос прозвучал совсем осторожно, словно отец Мальбрах вместе с ним идет по очень тонкому льду по реке над глубоким местом:

– Есть и такое мнение... Да-да, брат паладин. Некоторые отцы церкви, как вы должны знать, отрицают музыку, как слишком чувственную, противную духовности. Да и живопись должна быть очень сдержанной, нельзя изображать живое, это кощунство! Только орнамент, наподобие божественно прекрасных снежинок...

Мы приблизились к нише в стене, где за металлическим барьерчиком находятся настоящие механические часы. Еще Герберт из Ориньяка, ставший папой под именем Сильвестр II, изобрел часы, которые «регулировались сообразно движению небесных светил», и если даже я с удивлением поглядывал на эти часы, то понятен восторг тех монахов, что толпятся здесь часами, чтобы посмотреть на эти удивительные ходики с цепью и гирей.

Отец Мальбрах гордо посматривал на меня, в восторге ли гость, нравится играть роль гида. А мне и прикидываться не надо, Храм великолепен, монастырь тоже просто чудо, идеальное сочетание практичности и красоты, даже утонченности в архитектуре, а на цветные витражи в огромных стрельчатых окнах я готов смотреть, с восторгом распахнув рот, часами.

В большинстве монастырей все еще запрещено иметь не только эти вот красочные витражи, но также органы, ковры, цветные и раскрашенные пергаменты, картины. Однако здесь Храм и монастырь являют как бы единое целое, потому все это было сперва в Храме, какой собор без витражей, а потом, как догадываюсь, постепенно перебралось и в монастырь, пусть и не в таком обилии, ибо Храм – это Храм, а монастырь – монастырь.

Мимо прошли грузный священник с бульдожьим лицом и нахмуренными бровями и худенький юркий монах, что вертелся ужом перед толстяком и, часто кланяясь, торопливо объяснял:

– Я доставил всю заказанную золотую бумагу, рыбы плавники для варки клея, свинцовые белила...

Толстяк прорычал:

– Тонкие?

– Тончайшие! – заверил худой.

– Ну, дальше, – сказал толстяк нетерпеливо.

– Тонкий синопль, – сказал монах быстро, – массикот, финроз, лакмус, тонкий сурик... Толстяк отмахнулся.

– Вези на склад, а массикот сразу передай брату Карметизу...

Отец Мальбрах проводил их долгим взглядом.

– Келарь Иннокентий, – сказал он, – и один из его помощников. Брат паладин, вам что-то нужно? Вы могли поистрепаться в дороге...

– Не только в дороге, – ответил я бодро. – Жизнь так треплет, так треплет!.. Только одни из трепки выходят потрепанными, а другие в трепках наращивают мышцы.

Он усмехнулся.

– Понимаю, из какой категории вы. Значит, вам пока ничего не нужно...

– Многое, – ответил я, – многое нужно! Человеку надлежит быть жадным и завистливым. Я имею в виду жадным до духовных приобретений и завистливым к тем, кто уже удостоился благодати, чтобы и самому как бы тоже ухватить духовности... Ну, вы понимаете меня, верно, благочестивый отец Мальбрах?

Он кивнул, хотя вряд ли понял, но вежливые люди стараются избегать негативных ответов, а келарь хоть и келарь, но в культурном обществе вроде бы и не совсем келарь, а здесь еще та атмосфера...

В зале впереди монахи в два ряда нараспев читают молитву, у меня дрогнуло и защемило сердце. При всей своей абсолютной нерелигиозности все же люблюсь как красотой храмов, так и внутренним убранством, а слова молитв всегда трогают так, что порой выступают слезы. Правда, для этого нужно только слушать эти искренние и чистые голоса, дышащие верой и страстью, но не вслушиваться в слова.

Увы, я из тех уродов, что все равно слышит и слова, мелочно цепляясь к их значению, но в последнее время научается снисходительно пропускать мимо ушей – мало ли чего нагородили те дикие люди, что создавали это учение, названное верой, хотя более точный термин – вероучение. Молитвы вообще-то надо бы модернизировать, придумывать новые, более современные, да и само слово «молитва» заменить на что-то менее унижающее, а то меня как-то не тянет молить или умолять кого-то, даже очень могущественного.

– Отец Мальбрах, – сказал я, – а как здесь вообще?.. Я, как человек войны, в первую очередь интересуюсь фортификациями и оборонными сооружениями. Это правда, что в Храм и монастырь ничто враждебное не проникнет?

Его широкое добрейшее лицо расплылось в довольнейшей улыбке.

– Правда!

– Это хорошо, – сказал я. – Это хорошо бы...

Он спросил с изумлением:

– А что, у вас есть сомнения? Брат паладин, отбросьте всякие! Здесь самое защищенное место на всем белом свете! Про темный не знаю, но здесь вас не достанет сам дьявол!

– Гм, – проговорил я неуверенно, – а я думал, что дьявол внутри нас...

Он чуть нахмурился.

– Мы все носим в себе его часть, как наследие греха Евы, но здесь он не посмеет высунуться. А почему у вас такие сомнения?

– Хороший вопрос, – сказал я. – Дело в том, отец Мальбрах, я видел нечто темное, очень злое и опасное.

Он дернулся, выпучил глаза.

– Здесь?.. Невозможно!..

– Я видел, – сказал я настойчиво.

Он сказал озабоченно:

– Я поговорю, чтобы вас приняли отец госпиталий и санитарный брат. Отец госпиталий выделит помещение возле больницы, а санитарный брат у нас очень умелый лекарь, Терендиус, осмотрит вашу голову, брат паладин. Бывает такое, когда после сильных ушибов...

– Забудем, – прервал я. – Видимо, это мое личное дело и справляться должен я сам.

Он посмотрел на меня внимательно и с грустью.

– Как вы обычно и делаете?

– На вершинах мало народу, – ответил я.

Глава 6

На ужин явилось совсем немного обитателей монастыря, по уставу собирать всех не требуется, я увидел монахов и одного священника, которых на обязательной совместной трапезе не было.

Смарагд указал глазами на священника и шепнул, глядя дальше в тарелку:

– Отец Зибериус. Госпиталий.

Я ел чинно и не забывая о манерах, но госпиталия рассматривал внимательно. Очень важное лицо в монастырях, отвечает за прием гостей и старается создать самое благоприятное впечатление, уже тогда этому придавали исключительно важное значение.

Странствующие не всегда оказывались святыми. Нужно с ходу отличать жуликов, ворье, заболевшим сразу предоставлять место в больнице, а путешествующих инкогнито стараться поместить в те условия, которые для них более свойственны, а такое угадать непросто, как и то, какие блюда предложить, какое место предоставить за столом, куда допускать, а куда вежливо запретить. Все это должен как можно быстрее сообразить отец госпиталий, что безумно важно в строго иерархическом обществе.

Однако гости в Храм Истины не прут косяками, так что здесь отец госпиталий занимается тем, чем и должен заниматься в свободное от приема гостей время: следит за чистотой в помещениях, за бельем, одеялами, скатертями и посудой, поддерживает огонь в каминах, присматривает, чтобы в помещениях не появлялась паутина...

Еще на госпиталиях лежит не самая приятная обязанность следить за гостями, чтобы те, отправляясь снова в путь, не забыли чего важного. Для этого в присутствии гостей осматривают помещения, заодно проверяя, не прихватили ли по забывчивости что-либо из монастырской утвари, посуда гостям выделяется обычно серебряная...

Когда с ужином покончили и покидали помещение, отец Зибериус сам приблизился ко мне. Высокий, с приятным лицом и живыми умными глазами, отвесил легкий поклон, хотя священник такого ранга не должен кланяться простому монаху, однако я со своим паладинством что-то непонятное, а вежливый человек всегда предпочитает поклониться, чем недопоклониться.

Я в свою очередь поклонился, отец Зибериус явно постарше, а я поклоны распределяю больше по возрасту, чем по титулам.

– Брат паладин, – произнес он приятным голосом, полным искреннейшего раскаяния, чуть ли не отчаяния, – прошу простить, что не я принял вас после долгой дороги! У нас много лет не было гостей, потому давно сосредоточился на других заботах.

– Пустяки, – ответил я легко, – меня просто перехватили у вас.

– В какой-то мере верно, – сказал он так же легко и дружелюбно. Для работы госпиталиями отбирают самых любезных, приветливых и с хорошими манерами, чтобы легко могли вступить в беседу и свободно поддерживать на любом уровне, – у нас все соревнуются друг с другом в доброте и милосердии.

– Особенно накануне выборов, – обронил я самым невинным тоном.

Он бросил быстрый взгляд на мое невозмутимое лицо.

– Уже поняли? Увы, брат паладин, если бы Господь сам назначал аббатов, было бы проще. Но он зачем-то возложил эту тяжелую ношу на плечи самих монахов...

– Испытание, – сказал я с видом знатока, подумал и уточнил: – А еще и некий важный искус.

Он произнес со вздохом:

– Весьма серьезный, вы проницательны, брат паладин... А так у вас пока жалоб нет?

– Никаких, – заверил я.

– Точно? – переспросил он. – А то отец Мальбрах сказал мне, что у вас есть некоторые сомнения...

– А-а-а, – сказал я, – так это добрейший отец Мальбрах вас направил? Нет-нет, ничего особенного, святой отец.

– Но вы что-то видели... непривычное? Брат паладин, в мои обязанности входит, чтобы в помещениях было чисто и... ничего лишнего.

Я ответил как можно спокойнее:

– Видел, как по стенам носится некая темная тень.

– Тень? – переспросил он. – Просто тень?

– Да, – сказал я. – Возможно, все к ней привыкли и просто не обращают внимания, но меня она приняла весьма враждебно.

Он переспросил:

– Это... Как?

– Я чувствую опасность с ее стороны, – пояснил я. – Ну, может быть, слово «опасность» не очень подходит, небольшая темная тень что может?... Но чувствую угрозу.

– Чувства нас обманывают, – заметил он. – Чувства частенько идут от дьявола.

– Но не чувство опасности, – сказал я серьезно. – Я паладин, у меня это развито по воле Господа. С таким чутьем лучше выполняю боевые задачи, которые перед нами ставит Всевышний. Оно уже не раз спасало мне шкуру в сложной тактической обстановке и полевых и не очень условиях.

Он покачал головой.

– Вам просто померещилось. Тени постоянно прыгают по стенам, стоит кому пройти мимо свечи.

– От тех теней у меня не скачут мурашки по спине, – ответил я. – И прочим частям тела, не в монастыре будь сказано. Впрочем, оставим это. Если будет появляться еще, заметят и другие. Если не появится... сам скажу, что померещилось.

В нашу сторону поглядывают выходящие из трапезного зала монахи, один задержался, молодой еще и с заметно выступающим брюшком, но все равно бледный выюнош со взором горящим, дождался паузы в нашей беседе и воскликнул пламенно и с горькой обидой:

– Отец Зиберииус, почему мне запретили поститься?... Я хочу посерьезнее испытания!.. И бодрствовать я готов больше... И бичевать себя хочу!

Отец Зиберииус бросил на меня странный взгляд, словно не знает, как отнесусь я, темная лошадка, сказал увещательным голосом:

– Брат Миригулиус, не следует поститься в иное время, кроме установленного. В предписанные часы нужно спать, а не бодрствовать. Не следует подвергать себя истязаниям без разрешения отца настоятеля... Эти правила вовсе не от недоверия к твоей ревностности в служении! Просто мы все хотим, чтобы твоего огня хватило надолго...

Монах открыл было рот, чтобы возразить, но тоже посмотрел на меня, при чужаках вроде бы не стоит выяснять всякое, а то вдруг я да визитатор, с тяжелым вздохом поклонился и поцеловал руку отцу Зиберииусу.

– Спасибо за мудрый совет, святой отец...

По его виду заметно, что охотнее пнул бы ногой за такой совет, но сейчас изо всех сил старается держать на лице личину кротости и смирения.

Отец Зиберииус сказал с добродушной снисходительностью:

– Брат Миригулиус, не отчаивайтесь. В жизни никогда не наступит день, когда вы станете настолько мудрым, опытным и успешным, чтобы ни в чем не ошибаться. Ожидайте провалов и позвольте им закалить ваш дух. Минуты позора делают вас сильным, минуты успеха – благодарным. То и другое чередуется в жизни так же неизбежно, как ночь и день. Брат паладин, не так ли?

Я подтвердил бодро:

– Главное – баланс!

Брат Миригулиус сказал хмуро:

– Только у меня что-то ночи длинные, а дни такие короткие...

– Так это же здорово, – сказал я и похлопал по его выступающему пузу. – Можно отоспаться, отожраться... Спасибо, отец Зибериус!

Тот спросил с удивлением:

– За что?

– Да так просто, – ответил я и бесстыдно улыбнулся во весь рот. – Здесь так приятно быть вежливым!

Старшими братьями здесь называют, как я понял, всех, кто стоит на следующих ступенях иерархической лестницы: всевозможные должностные лица вроде приора, келаря, деканов, камерария, прекантора, скриптора или нотариуса, которого иногда называют просто канцлером, ризничьего, госпиталя, елемеозинария, наставника новоциев и различного рода советников из старых и мудрых, а также ту часть, пока еще скрытую от меня, которые достигли то ли высот, то ли некой святости, но трудятся в своих кельях, расположенных неизвестно где, во всяком случае для рядовых монахов, и даже редко появляются на общие молитвы.

Хотя не так уж неизвестно, в головном здании монастыря несколько этажей, все младшие монахи располагаются на первом, старшие – на втором, с третьего уже священники, куда младшим вход закрыт, а кто выше... теряюсь в догадках, этажей здесь пять, да еще и надстройки, где тоже есть комнаты...

Я высмотрел брата Жака, его легко узнать в любой рясе и под капюшоном, рост и ширину плеч не скроешь, догнал, хлопнул по плечу.

– Попался!

Он охнул, обернулся в испуге.

– Что?... Где?... Я не... А, это вы, брат паладин! Что за шуточки, у меня чуть сердце не выскочило!

– Воровать идете? – сказал я понимающе.

Он дернулся.

– Почему воровать? У кого воровать?... Да и не воровство это, а так... заимствование. Если разбогатею, отдам. А вы что здесь высматриваете?

– Все, – ответил я. – Гость обязан все высматривать и вызыривать. Как пройти к аббату?

– Зачем? – спросил он.

– Нужно, – заверил я. – Думаешь, ехал в такую морозную даль, чтобы посмотреть на ваши рожи?

Он поскреб в затылке, подумал, поглядел по сторонам.

– А что у нас с рожами не так? Рожи как рожи... Сегодня аббат тебя точно не примет, как и завтра. Да и вообще... Но можешь попытаться насчет общения с одним из помощников приора, у того их четверо.

Я ощутил быстро поднимающийся гнев, но сказал как можно спокойнее:

– Жак, чтобы добраться до вашего Храма, до этого Храма!.. я промчался сотни и сотни миль ледяной пустыни, замерзших лесов, расколотых холодом гор и темных земель, где царствуют дикие твари!

Он с виноватым видом развел руками.

– Знаю, тебе наши порядки не очень... У паладинов, наверное, проще?

– Наверное, – согласился я зло. – Где сейчас приор?

Он огляделся по сторонам и сказал шепотом:

– В это время чаще всего в левом крыле библиотеки. Там самые старые рукописи. Потом уже неизвестно...

– Спасибо, Жак.

– Но я тебе ничего не говорил!

– Конечно, нет, – успокоил я. – Наткнулся на него совершенно случайно. Я же сам такой любитель книг, такой любитель...

Он ухмыльнулся, я уже взял гнев в кулак, подмигнул почти весело и отправился искать библиотеку.

Глава 7

В церкви и соборы я и раньше заходил часто, положение обязывает, хоть подолгу там не задерживался, молитв благодаря хорошей памяти помню много, а вот с монастырями практически дел не имел, потому сейчас во все попадающееся по пути всматриваюсь и вчувствываюсь очень рьяно, стараясь все охватить и понять.

Насколько помню, во главе любого монастыря всегда настоятель, он же викарий, что означает «заместитель самого Христа», он заступник, наставник, арбитр и организатор всей монастырской жизни.

В общем, как я бы сказал, вождь, в руках которого все нити власти. И его положение особое: питается отдельно, хотя почти постоянно приглашает за свой стол кого-то из монахов, – это честь, от которой нельзя отказаться; гостей принимает в специально отведенном для этого помещении, не спит в общей спальне, а мессу творит отдельно со своими капелланами.

Наш аббат, как и абсолютное большинство настоятелей, благородного происхождения: младший сын герцога, которого отец, чтобы не дробить имение, отправил по духовной части. Потому еще имеет не только собственные доходы, но свой герб и жезл. Таких вообще-то было немало, но народ помнит разве что герцога Ришелье, что стал всесильным кардиналом и рулил королевством...

Правда, власть аббата никак не абсолютная, он сам обязан жить по уставу в духе умеренности и тщательной обдуманности каждого слова и решения. Как раз именно потому, что жизнь монахов в его руках, он так осторожен, ибо это ему придется давать отчет главе Страшного суда Иисусу о вверенных его попечению душах, а уже затем о своей собственной.

Аббат подчинен уставу, и монах не обязан повиноваться аббату, если тот не соблюдает устав. Огромные права аббата уравновешены такими же огромными обязанностями. Аббат выдвинут на этот пост монахами, чтобы лучше служить им и помочь им самим лучше служить Богу.

Приор – помощник аббата и его заместитель, замещает аббата в случае болезни или отсутствия. Приора тоже избирают сами монахи, но аббат вправе сместить его после трех предупреждений, суть которых объяснит братии.

В крупных монастырях обычно несколько приоров: главный приор, помощник приора, третий приор, четвертый приор. К какому приору меня могут направить, можно даже не загадывать: был бы пятый или шестой, направили бы к седьмому.

В помощниках у приора также деканы, или, говоря проще, десятники. Они тоже избираются монахами из своего числа, их обязанность – забота о монахах.

Келарь – это эконом, он заботится о продовольствии, одежде и вообще всем-всем, что нужно монахам, контролирует все хозяйство, склады, амбары, производство свечей, меда и все прочее, что делают в монастыре для себя или других.

Из широкого прохода в скальном массиве выметнулся Бобик, за сутки успевший раздобыть, просто слон, а не болоночка, запрыгал вокруг, приглашая сходить вот сюда, нет, сюда, ну что ты не понимаешь...

По запахам я уже чуял, куда зовет, но пошел навстречу ароматам вареной, печеной и замоченной в острых специях рыбы.

Просторная пещера открылась с царственной неторопливостью, столы выплывают один за другим, длинные, как связки плотов, на них цельные и разделанные туши животных, дальше рыба, рыба, рыба...

Монахи с закатанными выше локтей рукавами занимаются составлением блюд, я поклонился вежливо:

– Хорошая работа, братья! Готов променять свое истребление драконов и спасений принцесс на это вот занятие...

На меня оглянулись с довольными улыбками, один сказал веселым голосом:

– Меня зовут брат Лосатый. Хотите заказать что на ужин?

Я помотал головой.

– Жру все, я же человек, а не свинья какая-нибудь разборчивая.

Он улыбнулся.

– Это хорошо, а то некоторые ворчат, что завтра снова постный день, мяса не полагается, а будут только угри, шуки, караси, а также жареные и вареные яйца по дюжине на человека.

– Неплохо, – пробормотал я. – И птица, конечно?

– Разумеется, – подтвердил он. – Птица – не мясо, а скорее рыба, так как Господь сотворил рыб и птиц в один день. Потому птицу можно есть всегда...

– Однако, – сказал я провоцирующе, – Адам и Ева были вегетарианцами!

– Так было, – подтвердил он, – до самого потопа. Вернее, запрет был до самого потопа, но люди мясо ели уже начиная с Каина. Затем Господь все-таки разрешил есть мясо всем, «ибо помышление сердца человеческого – зло от юности его».

Я посмотрел на него с уважением.

– Но вы, я смотрю, запреты соблюдаете?..

Он пояснил:

– Дело не в запрете, что нельзя, а в дисциплине ума и подчинении плоти духу нашему. Говядину можно есть только по воскресеньям, вторникам и четвергам, свинину, а также солонину – по понедельникам, в воскресенье – мясная кулебяка.

– Да, – сказал я с облегчением, – это важно. Это дисциплинирует.

– На ужин, – сказал он, – наши монахи получают жареную курицу и еще порцию жареной свинины. Некоторые жарят мясо на вертеле, этим соблюдают традиции, но мы здесь предпочитаем сковородки.

– Прогресс на марше, – сказал я одобрительно. – Не подскажите, библиотека от кухни далеко?

Он задумался, возвел очи к высокому своду.

– Интересный философский вопрос... Вроде бы книги – духовная пища, а почему-то на самом дальнем от кухни конце! Разве не хорошая кухня крепче всего связывает между собой хороших и одухотворенных книжников?

– И еще хорошее вино, – поддакнул я. – Значит, на самом дальнем конце?

– На этом этаже, – уточнил он. – А то до конца наших владений и за неделю не добраться...

Размышляя, что он имел в виду под такими загадочными словами, я отпихнул Бобика, что рвался сопровождать меня в странствиях, вышел на узкие просторы этажа, где среди пещер, отесанных под залы, встречаются и просто пещеры с неровными стенами и остро торчащими глыбами.

Гастрономию, кстати, тоже изобрели монахи, все они обычно сидят на строжайшей диете, потому изобретают самые разные блюда из тех продуктов, которые им позволены, записывают, составляют сборники рецептов, а такого новшества еще долго не будут знать даже короли.

Острое чувство приближающейся опасности кольнуло, как шилом. Я прыгнул под защиту стены, выдернул меч из ножен и замер, торопливо шаря взглядом во все стороны и на всякий случай прыгая от теплового диапазона к запахам.

Нечто огромное и чудовищно сильное приблизилось, отступило, затем снова появилось вблизи...

Толстая стена напротив выглядит монолитом, да это и есть монолит, но что-то подсказывает, что для чудища на той стороне это не такая уж и серьезная помеха...

Я покрепче сжал рукоять обеими руками, вот опасность ближе, еще ближе... остановилась, начала отдаляться медленно, и словно бы нечто чудовищно злое и омерзительное оглядывается в нерешительности: не вернуться ли, не напасть ли...

Когда оно отдалилось и пропало, я едва не всхлипнул от облегчения. Руки так тряслись, что едва-едва попал острием меча в щель ножен, ноги были как ватные, а ступней вообще не чувствовал.

Кто-то из монахов прошел вблизи, лица я не видел из-под капюшона, но он каким-то образом разглядел меня, поинтересовался участливо:

- Брат, тебе плохо?
- Уже лучше, – ответил я. – Участие братьев всегда дает силы.
- Пусть Господь даст тебе силы, – сказал он и пошел своей дорогой. – Аминь.
- Ага, – согласился я дрожащим голосом, – еще как аминь.

Даже от двери приятный запах страниц, словно держу в руках старинную книгу, очень толстую и безумно интересную. Я толкнул – закрыто, потянул на себя, ругая себя за то, что никак не запомню правило противопожарной безопасности, сформулированное еще в каменном веке: любая дверь должна распахиваться только изнутри.

Это даже не пещера, а уже облагороженный зал, где высокие шкафы с книгами не только у стен, но выстроились ровными рядами и посередине, разделяя пространство на длинные коридоры.

Я двинулся вдоль стены, книги здесь тоже не только в шкафах и на полках, но даже стопками на полу. Толстые фолианты старинных книг, многие с обложками из металла, застегнутые на висячие замки.

В центре зала четверо монахов разбирают книги, выбирая из кучи на полу и складывая в аккуратные стопки там же рядом на полу, хотя на полках много свободного места.

Один из монахов поднял голову и, всмотревшись в меня, сказал сухо и без приязни, что вообще-то диктуется правилами любого монастыря:

- Я отец Кроссбрин, приор. Кого-то ищете?

Высокий и поджарый, с резким худым лицом крупного человека, где кости выпирают мощно на скулах, надбровных дугах, подбородке, а мяса как будто и нет вовсе, такие всегда одерживают верх и достигают вершин, будь они солдаты, воины или политики.

Сейчас он смотрит так, словно видит меня насквозь, я в самом деле смешался и ответил почти невпопад:

- Да, как бы ищу...
- Кого?
- Приора, – ответил я. – Мне подсказали, что вы здесь.

Он повторил еще резче:

- Да, это я приор. Что вы хотите?

Я снова смешался, начало разговора не в мою пользу, сказал торопливо:

- Как у вас здесь... дивно. Да, господин приор, я искал вас...
- Зачем?

Я сказал смиренно:

– Прошу меня простить, святой отец, я гость, и если что-то нарушу, то лишь по невежеству, а не злему умыслу...

Он поморщился, покосился на своих помощников, но сказал достаточно любезно:

- Говорите, сын мой. Только коротко. Мы в библиотеке, а не в кабаке.

Я осмотрелся с подчеркнутым восторгом на лице.

– Всегда представлял себе рай не с розовыми кустами, а вот так, со шкафами, заполненными книгами, книгами, книгами...

Его лицо чуть потеплело, но голос прозвучал все еще сурово:

– Возможно, часть рая будет отдана под библиотеку, где соберутся книги всех времен и народов... Мне розовые кущи тоже не очень нравятся. Вам что-то нужно, брат паладин?

– Да, – ответил я, делая голос мягким и отстраненным, – да... что за наслаждение находиться в хорошей библиотеке! Я вам завидую... Смотреть на книги – и то уже счастье, а вы их еще и щупаете...

Приор поморщился, один из его помощников дернулся, словно я его ударил под зад.

Я поспешил смягчить свое умничание:

– Перед вами пир, достойный богов! Духовная пища... это нечто. Ее можно жрать и жрать, а чтобы насытиться... даже и не знаю, что надо и кем надо быть... У меня, правда, от второй строки уже начинается голова трещать, но то у меня, а это вы, у вас головы крепкие, литые, без пустот...

Приор сказал резко:

– Брат паладин! Вы что-то хотели сказать?

– Маркус, – ответил я, уже начиная злиться. – Надеюсь, достаточно коротко?

Его помощники застыли на местах, на меня поглядывают с тревогой, а на приора с беспокойством.

Его голос прозвучал холодно:

– Что тебя интересует?

– Маркус летом все сметет с лица земли, – напомнил я.

– Вы пришли сообщить нам такую редкую новость? И неожиданную, да?

– Думаю, – ответил я, – вы отбираете книги, чтобы опустить в пещеры пониже, не так ли?

– И что?

– Меня интересует, – сказал я, чувствуя закипающий гнев, – собираются ли монахи дать отпор? Я слышал, что если на всей земле и найдется сила, что остановит погибель человечества, то она здесь, в Храме Истины.

Он перекрестился, сказал сухо:

– Господь дает нам силу. И что пошлет, то и примем!

Не глядя на меня, вернулся к работе, и я понял, что он уже забыл обо мне или заставил себя забыть. Помощники один за другим подавали ему книги, он короткими жестами распределял, куда что отнести.

– Да, – пробормотал я, – конечно, примем... куда денемся?

Примем, конечно, примем. Только все-таки, думаю, не так, как считает правильным приор.

Хотя не оставляет ощущение, что он просто отделался от меня, – вовсе не потому, что нечего ответить насчет Маркуса. Просто почему-то не хочет говорить...

Глава 8

Не привлекая внимания, вернулся в свою келью, но едва медленно и настороженно – все-таки не дома – переступил через порог, как повеяло легким холодком, словно чуть-чуть приоткрылась форточка.

Так же неспешно прошел к постели, чувствуя, как опасность приближается, подступает медленно, но неотвратимо, как движение планет, вытащил меч и ждал.

По коже сперва гулял холодок, затем ее заледенило, словно стою голым среди льдин под сильным ветром.

В келье начал сгущаться мрак, стены отдалились, мир стал неясным и угрожающим. Я создал шарик света, но он моментально истощился и погас, не успев отодвинуться от меня даже на расстояние вытянутой руки...

Холод приблизился вплотную, я отодвинулся вдоль стены, чтобы хотя бы с этой стороны обезопаситься, обошел комнату – нигде и ничего, но все чувства кричат, что опасность стала даже ближе.

– Знаю, – сказал я медленно, – ты здесь... Да, ты здесь... Что тебе мешает напасть?

В дальнем углу кельи начало проступать нечто темное, сперва как черный дым пожара, только полупрозрачное, с разводами и струями, затем уплотнилось, словно разрастается емкость с тяжелой и быстро густеющей черной смолой.

Я напрягся, не представляя, как с таким драться, и защитит ли меня мое паладинство, вообще-то довольно хилое, а магия здесь не действует, да и маг из меня тоже никакой...

Раздался стук в дверь, и, не дожидаясь моего отклика, дверь распахнулась, вошел с горящим факелом, несмотря на две зажженные свечи в келье, высокий худой монах с бледным лицом и ввалившимися глазами.

Я быстро зыркнул в сторону темной твари, но там уже чисто, когда только и успела исчезнуть, мне бы такую скорость, а то только за столом и удастся развить в полную силу.

К чистому свету свечей добавился еще и трепещущий оранжевый от факела, структура камня видна отчетливо, но там ни следа исчезнувшей тени, что не тень вовсе...

– Брат паладин, – вскрикнул монах тихонько, – что с вами?

Факел он держит так, чтобы его узнавали сразу, его обязанность проверить все постройки, залы, хоры, кладовые, трапезную, лазарет, закрыть входные ворота, это принято в каждом монастыре не только во избежание поджогов и проникновения воров, но и чтоб не выходили братья монахи.

– Да так, – ответил я, как можно незаметнее переводя дыхание, – я же паладин, ты сам проблеял мне только что... А паладины обязаны совершенствовать умение защищать веру нашу святую и как бы правильную в ряде отношений!..

– А-а, – произнес он с облегчением, но поглядывал на меня все еще опасливо, пока я не сунул меч в ножны. – Тяжелая у вас жизнь...

– И не говори, – согласился я. – Постоянно рубить головы, проливать реки крови, одновременно проповедуя милосердие и сострадание... это, скажу тебе, весьма как-то даже лепо зело, а местами не совсем лепо, а то и вовсе нелепо, но зато зело и обло.

Он зябко передернул плечами, боязливо посмотрел по сторонам, одной рукой придержал дверь приоткрытой, выглянул в коридор, как мне показалось, тоже украдкой, закрыл плотно и навалился на нее спиной.

– Брат паладин, – прошептал он, – вы в самом деле хотите попытаться... воспротивиться?

– Отцу Кроссбрину? – спросил я.

Он с досадой отмахнулся.

– Отец Кроссбрин просто напыщенный богослов. Я говорю про эту проклятую звезду Маркус!

Я сказал торопливо:

– Да-да, конечно!..

Он огляделся, сказал шепотом:

– Тогда приходите в полночь к брату Гвальберту Латеранцу. Знаете, где его келья?

– Нет...

– Второй коридор, – прошептал он, – двенадцатая дверь. Запомните, в полночь!

– Умру, но приползу, – пообещал я.

Он тут же отворил дверь и выскользнул в коридор, оставив меня с сильнейшим сердцебиением и тревожным ощущением, что вот едва прибыл, и уже становлюсь участником некоего зловещего заговора.

Дождавшись полуночи, я тихо выбрался из кельи, хотел даже перекинуться незримником, но не получилось, пришлось осторожно пробираться вдоль стен.

Один раз чуть не попался: кто-то шел под дальней стеной зала; я замер, а когда монах исчез, двинулся дальше, крадучись еще осторожнее. Впереди показался второй коридор, я затаил дыхание и пошел вдоль ряда дверей на цыпочках, задерживая дыхание и чувствуя в который раз, насколько же этот Храм огромен.

Понятно, такой не мог бы существовать здесь сам по себе, вокруг на сотни миль только промерзшая земля, покрытая вечным льдом и снегом, однако монастырь – другое дело.

Неутомимые монахи всегда искали и находили для себя места среди диких лесов, непроходимых болот и долин высоко в горах, где тишина, покой и уединение, а уже там корчевали лес, осушали болота, приручали дикий скот и разводили стада.

Собственно, в те времена только монахи этим и занимались, вся Европа после отступления ледников была сплошным болотом, где на отдельных островах прорастал лес, и привести эти земли «в божеский вид» и была задача монахов.

Здесь же забрались на далекий север, как только смогли, где невероятными титаническими усилиями основали этот монастырь, а уже при нем, как понимаю, намного позже собор, названный Храмом Истины.

Была ли гора такой или же монахи сами сумели создать это все – святость творит чудеса, уже знаю, – но для меня сейчас это третьестепенно, если вообще имеет значение, а вот насколько эти монахи готовы уже на этот раз вступить в бой против Маркуса?

Я осторожно стукнул в двенадцатую дверь, с той стороны голос тихо спросил:

– Кому это не спится?

– Паладину, – ответил я.

Приоткрылось окошко, меня осмотрели, дверь тихонько приотворилась. Я торопливо скользнул в келью, за моей спиной уж захлопнули, а чей-то голос сказал негромко:

– Я же говорил, что видел, как он шел в эту сторону!.. Приветствуем, брат паладин!

– Приветствую и вас, карбонарии, – ответил я тихо.

Первое впечатление от собравшихся – что все молодые, намного моложе среднемонастырского возраста. Это насторожило – у молодежи слишком много энергии и нет ума, хотя всегда уверены, что знают уже все, и потому надо сбросить власть замшелых стариков, впавших в маразм.

И хотя я сам молод, даже моложе половины из присутствующих, но старые книги читал, меня клевали, топтали, били и волочили мордой по битому стеклу так часто, что уже набрался ума, а у них жизнь неторопливая, им еще предстоит, да и то не всем.

За столом расположились плечом к плечу Смарагд, Жильберт, Гвальберт Латеранец, Жак, а также незнакомый мне священник, суровый, нахмуренный и настороженный.

Он сразу взглянул на меня недоверчиво.

– Брат паладин, я был против, чтобы вас приглашали на эту встречу. Но братья Гвальберт и Жильберт, которых я очень уважаю, заверили меня, что вы прибыли специально, чтобы просить помощи в борьбе с Багровой Звездой Зла.

Я ответил смиренно:

– Это так, братья. Мир уже сдался и склонил выю под топор смерти. Надежда только на вас.

Монахи тихо переговаривались, я чувствовал себя на перекрестье взглядов, один поерзал, в неловкости отводя взгляд.

– Мы сами, – буркнул он нехотя, – ее потеряли.

– Но мы не сдались, – ответил брат Жильберт с нажимом. – Мы будем искать до последнего дня, до последнего часа, до последней минуты!

– И если Господь позволит нам, – добавил Смарагд, – мы отдадим свои жизни, но будем драться!

Говорил он пафосно и высоко, то есть возвышенно, вдохновенно и с блеском в глазах, что хорошо действует на женщин, но, увы, мы здесь в чисто мужской компании.

Священник промолчал, мне показалось, что чуточку поморщился от излишней пафосности.

Я опустил на край скамьи, все поглядывают с ожиданием, я сказал негромко:

– Скажу сразу, хотя я паладин, но могу получать титулы и даже сидеть на троне, как любой мирской правитель. Так вот, титулов у меня как листьев в лесу, я уже на троне, у меня огромные армии... но это ничто перед мощью Маркуса! Храм и здешние монахи – на сегодня самая могучая сила на земле, так говорят сведущие. Я хочу попытаться дать бой уже в этот раз, а не через пять тысяч лет, когда якобы подготовимся лучше!.. И я, честно говоря, весьма и zelo разочарован, братья...

– Чем? – спросил священник.

Я признался честно:

– Когда мчался сюда через ночь и лютый холод, я питал себя надеждой, что здесь куют оружие, которым собьют Багровую Звезду еще в небе!.. Но обнаружил, что все больше заняты будущими выборами аббата... И даже на то, что здесь у вас шастает некое зло, никто не обращает внимания...

Священник спросил быстро:

– Ты о чем?

– Я видел только темную тень, – ответил я, – но у меня кровь стыла в жилах, когда она приближалась. Еще могу сказать, что эта тварь свободно проникает через самые толстые каменные стены, будто их и нет вовсе! Про двери уже молчу.

Они переглядывались, Гвальберт спросил осторожно:

– Брат паладин, ты уверен... что тебе не померещилось?

– У меня звериное чутье, – огрызнулся я. – Ко мне только подойди кто сзади с палкой, сразу огребет... Это вы только молитвами да пропитанием заняты! Эта тварь появлялась уже трижды! Нет, это я увидел ее трижды, а сколько она тут у вас шастает и что творит... даже боюсь и подумать!

Все смотрели с испугом и непониманием, а Гвальберт сказал примирительно:

– Брат паладин... ты только появился и уже трижды увидел. Не странно ли, что мы живем здесь по много лет и ни разу ничего подобного не зрели?

– Может быть, – предположил брат Смарагд, – она охотится именно на брата паладина? Мстит, например, за убитых демонов из родни... Вы много убили демонов, брат паладин?

Священник сказал резко:

– Ни одна тварь не в состоянии проникнуть в Храм, пока аббат жив. Ни один демон не в состоянии даже коснуться стен нашей священной твердыни!

– Хорошо-хорошо, – сказал я. – Пусть мне почудилось или даже померещилось. Оставим эту темную тень, раз вы к ней так привыкли. Но что насчет Маркуса?

Священник произнес мрачно:

– На этом уровне мы ничего не решим. Но в то время как приор уже начал отбирать книги, которые надлежит спрятать в самые надежные места, камерарий Ансельм и отец Ромуальд чаще других поговаривают, что вот бы не перекладывать эту ношу на плечи потомков, а самим дать отпор...

Я спросил жадно:

– Как-то можно с ними переговорить?

– Я сам переговорю, – пообещал священник. Он взглянул на меня в упор. – Я отец Леклерк. Ко мне они точно прислушаются.

Я возвращался обратно тихими ночными залами, свечи горят приглушенно, все величественно и таинственно, когда все такое огромное, сам поворачивал так и эдак слова отца Леклерка. Похоже, он в монастыре играет далеко не последнюю роль, на собрании явно был окружен почтением вовсе не потому, что священник, я сам чувствовал струящуюся от него мощь, которую можно назвать святостью, а можно не называть, но он явно силен, влияние у него есть...

По лицу опять пахнуло холодным воздухом, как показалось, но тут же холод прокатился и по всему телу. Свечи горят как обычно, однако на той стороне зала свет исчезает, теряется, словно образовалась дыра, через которую смотрит ледяная северная ночь.

Я замедлил шаг, прислушиваясь к себе, – странное дело, совершенно не чувствую опасности; вообще-то понятно, та стена от меня далеко, но все же непонятно как-то...

Напрягая зрение, я вперял взгляд в ту тьму, однако тьма и есть тьма, ничего, кроме тягостной черноты, при виде которой начинает щемить сердце.

В стороне послышались легкие шаги, я всмотрелся и узнал брата Жильберта, он, как бы ни прятал лицо под капюшоном, все равно брат Жильберт, высокий, сутулый и невероятно костлявый.

Он спросил торопливо приглушенным голосом:

– Брат паладин?

– Я...

– Узнал по голосу, – сообщил он, – вы с кем-то разговаривали?

Я бросил быстрый взгляд на тень, но там уже пусто, оранжевый свет освещает верх стены ровно и чисто, высвечивая каждую щербинку в камне.

– Все равно не поверишь, – ответил я. – Иди спи, тебе скоро к утрени?

– Да, брат, – ответил он и добавил с беспокойством: – Если что, зовите сразу же!

Послышались шаги, в подрагивающем свете показалась фигура в рясе, капюшон отброшен на плечи, я узнал суровое лицо отца Леклерка.

– Что-то случилось? – спросил он негромко.

– А поверите? – спросил я.

Он покачал головой.

– Только если увижу сам.

– Увидите, – пообещал я. – Она растет.

Он нахмурился, а я кивнул на красные от ночных бдений глаза молодого монаха.

– Стоит ли бедного брата Жильберта так уж мучить чтением толстенных манускриптов?

Отец Леклерк посмотрел на меня с упреком, но сказал предельно сдержанно:

– Брат паладин, невежественный человек не может быть благочестивым! И вообще ученье – это... К примеру, в большинстве монастырей, когда умирает монах-ученый, то все счи-

таются его родственниками, и все должны разрывать свои платья, снять с себя обувь и устроить тризну!

– Гм, – ответил я озадаченно, – это как бы да, верно. У вас нет монаха по имени Мендель? Он подумал, покачал головой.

– Насколько помню, вроде бы нет...

– А Шварц? – спросил я с опаской. – Хотя, конечно, лучше бы не было.

Он снова подумал, ответил со вздохом:

– Вступая в монахи, все порывают с прошлой жизнью и берут новые имена.

– Значит, – сказал я, – никто не знает, с чем монах экспериментирует в свободное от работы время: с опасным порохом или безобидной селитрой?.. Ладно, это я так... Прогресс не остановить. Разве что раньше других попользоваться, как я использую открытия монахов Гутенберга или Периньона? Отец Леклерк, а как насчет выходных? Дни отдыха здесь бывают?

Он посмотрел с еще большим укором.

– Брат паладин, вы разве не знаете, что Всевышний позволил, чтобы о Нем сказали, что Он создал мир за шесть дней и отдыхал на седьмой. Если даже Он, который не знает усталости, позволил, чтобы о Нем было так написано, насколько же больше нужен отдых на седьмой день человеку, про которого сказано: «А человек рожден для забот»!

– Простите, отец Леклерк, – сказал я смиренно. – Великая мудрость в ваших словах. И вообще, уже чую, уходить из монастыря не захочется. Обожаю, когда все вокруг такие умные, а я один только... сильный. Спокойной ночи и добрых вам снов!

– Аминь, – ответили они в один голос.

Глава 9

Здесь в монастыре быстро сдвигается граница между днем и ночью. К тому же свечи горят круглосуточно, чему монахи, естественно, нашли обоснование, полистав Библию; я сам могу найти десяток обоснований любой затее, как и десяток опровержений, хоть в Библии, хоть в Святом Писании.

Монахи, ложась спать, обычно накрывают глаза темной тряпочкой, так успевают поспать полноценнее. Тем более что сон у них обычно короткий, ночью спят два-три часа, а потом дважды днем по полчаса или по часу, у кого какие запросы.

Я лег, не раздеваясь, поверх одеяла, намереваясь не столько спать, как поразмышлять, вопросов много, слуха почти сразу коснулось нечто вроде далекого крика, даже не крика, а слабая тень крика, но я уловил ужас и боль, насторожился, прислушался.

Везде тихо, однако сердце колотится бешено, что-то уловило еще раньше, чем это что-то доползло до мозга, мышцы напряглись.

Я сбросил скованность усилием воли, медленно слез, все еще прислушиваясь, взял меч и тихо вышел из кельи.

В коридоре пусто, свечи на стене горят ровно, клиновидные оранжевые огоньки не шелохнутся, здесь сквозняков не бывает, полнейшая тишина...

...мои ноздри дрогнули, по жилам пробежала дрожь, умом еще не понял, но инстинкт подсказал быстро: там кровь! Свежая.

Стены коридора пронеслись навстречу по обе стороны, я выметнулся в прямоугольный зал с колоннами, а там невольно затормозил. Мягко освещенный зал, тишина, и только посредине лежит, подобрав под себя руки, монах, уткнувшись лицом в пол.

Длинный кровавый след тянется за ним через весь зал, изорванная ряса пропитана кровью.

Я торопливо присел перед ним, ухватил за плечи, осторожно переворачивая на спину. На меня взглянуло смертельно бледное лицо молодого монаха, где-то я его уже видел, но не среди заговорщиков.

Правая щека страшно распорота в двух местах, меня передернуло, когда сквозь рану, что побольше, увидел окровавленные коренные зубы.

– Господи, – прошептал он едва слышно, – прими... душу... мою...

– Рано, – ответил я, – еще поживешь...

Мои ладони почти не ощутили холодок, хотя монах уже одной ногой в ладье Харона. Лицо его медленно порозовело, он задышал чаще, всмотрелся с растущим изумлением в мое лицо.

– Брат пала... дин?

– Он самый, – ответил я скромно. – Давай помогу добраться до кельи, а ты расскажи по дороге, что стряслось. Женщин здесь вроде бы нет, из-за чего подрались?

– Драка, – прошептал он. – Какая... вы не... вы совсем не...

Холод прокатился по рукам, вошел в грудь и кольнул в сердце. На миг увидел, как мелькнула вдали по стене темная тень, похожая на огромного безобразного паука.

Монах сказал слабо:

– Нужно... к отцу... Муассаку... Я брат Брегоний...

– Хорошо, – сказал я быстро. – Я помогу добраться. Где он?

– Я смогу, – сказал он все еще слабым голосом. – Но если сможете проводить меня, брат, за счет своего личного времени...

– Не болтай, – прервал я.

Он дышал все еще часто, приходя в себя, но я чувствовал, как силы постепенно возвращаются в еще истощенное, но молодое тело. Когда добрались до двери с большим серебряным крестом на третьем этаже, я уже почти не поддерживал его, а дышал он без хрипов и надсадности.

Я ждал в сторонке, он постучал в дверь трижды. Мне показалось, что стук условный, между вторым и третьим чувствуется нарочитая пауза.

За дверью послышался совсем не сонный голос:

– Брат Брегоний?

– Да, – ответил монах. – Поскорее, отец...

Дверь распахнулась, я увидел крупного человека с густыми черными бровями и такими же черными глазами. Он сразу же впился взглядом в покрытое кровью лицо монаха.

– Брегоний?.. Что с тобой?

Я зашел следом и прикрыл за собой дверь. Брегоний без сил повалился на широкую дубовую лавку, словно путешествие на третий этаж забрало последние силы, и, прислонившись к стене, сказал трепещущим голосом:

– Отец Муассак... на меня что-то napало... Я не успел даже рассмотреть, не то чтобы защититься святым словом или книгой... а исчезло так же быстро... Я думаю, брат паладин спугнул...

Священник повернулся ко мне, я покачал головой.

– Вряд ли. Я не видел, что именно там случилось.

– А что успели?

– Брат Брегоний полз, волоча за собой кишки. Когда я прибежал, он уже был почти без сознания.

Он посмотрел на меня остро.

– Похоже, у вас есть какие-то предположения?

– Вы очень проницательны, отец Муассак, – ответил я. – Весьма. Предположений у меня нет, но есть серьезные подозрения, что с ним произошло...

Отец Муассак спросил резко:

– Выкладывайте все!

– Я трижды, – сказал я, – нет, уже четырежды видел некую темную тень. Носится по Храму... Конечно, вы так уверены в неприступности Храма, что никто мне и не подумал верить, но сейчас-то что?

Брат Брегоний часто дышал и закатывал глаза. Я создал чашу с коньяком и сунул ему в ладонь. Он ощутил по запаху вино, жадно выпил, а потом застыл с вытаращенными глазами, не в силахдохнуть, зато на мертвенно-бледных щеках выступил яркий румянец.

– Да вы лекарь, – проговорил отец Муассак странным голосом.

Я создал еще чашу, но уже с ликером. Отец Муассак осторожно принял из моей руки, но принюхиваться не стал, выпил быстро, не скривился, только ненадолго задержал дыхание.

В коридоре послышались голоса, топот, а внизу под дверью замелькали оранжевые огни факелов.

В дверь, не постучав, просунул голову брат Жильберт с отчаянно расширенными глазами.

– Что, – вскрикнул он, – правда?.. Мы сейчас облаву...

Заметив меня, сделал вид, что не узнал, конспиратор хренов, исчез, я не успел даже спросить, откуда все так быстро узнали. Двери распахнулись шире, темные тени страшно и суматошно заматались по комнате, пугая резкими изломами, когда перескакивали со стены на стену.

Отец Муассак и еще один из священников высокого ранга, судя по рясе с красной окантовкой, склонились над братом Брегонием. Я видел, что врачуют не столько уже подлеченное

мною тело, как душу, а бедный монах все еще трясется в ужасе и с трудом выговаривает слова, пытаюсь рассказать, что его покалечило и как это случилось.

В коридоре слышится требовательный голос брата Гвальберта, велит усилить охрану жилых помещений, зато брат Смарагд рассылает людей на поиски того, что могло повредить Брегонию, и выяснить, был ли это человек, нежить, демон или что-то новое, против чего еще нет защиты.

Я поднялся с лавки, священники обратили вопрошающие взоры в мою сторону.

– Я буду у себя, – сказал я кротко. – Если понадобится, только позовите. Здесь я пока без надобности.

Через час молодые монахи торопливо прошли по кельям и сообщили всем, что в большом зале для общих молитв сейчас срочно собирается капитул, всем оставить все дела, присутствовать будет также сам аббат.

До этого я так и не вернулся в келью, переходил от одной группки возбужденно переговаривающихся монахов к другой, слушал, иногда что-то вставлял в разговор или, говоря простым языком, подкидывал в огонь дровишек.

Кворума на этом капитуле не требуется, потому если на собрании придут к какому-то решению, то оно станет обязательным вне зависимости, сколько человек явится, но я видел, как из самых глубоких пещер поднимаются монахи, с лицами, обожженными глубинным огнем, и покрытыми мозолями ладонями, которых здесь наверху встретить просто невозможно, так что кворум будет точно.

Один из монахов зажег особую свечу и установил так, чтобы ее видели все собравшиеся. Собрание будет длиться ровно столько, сколько горит свеча, затем прения прекращаются, начинается голосование за различные варианты решения проблемы.

Брат Жак, чувствуя ко мне смутную симпатию, как к человеку такого же роста и, как предполагал, полному желания где-то да подраться, встал со мной рядом и вполголоса комментировал, давая характеристики входящим, как священникам высокого ранга, всяким должностным лицам, а их здесь масса, так и особо заметным монахам.

Я все поглядывал на свечу.

– А если не успеют? – спросил я шепотом.

Он буркнул:

– Тогда завтра на свежую голову снова.

– А продлить сейчас на часок?

Он скривил рожу.

– Считается, что за это время у всех мозги и так свернутся в трубочку. Это точно! Еще не началось, а мои уже сворачиваются.

После того как последние монахи вошли стайкой и встали смиренно и сложив руки на груди, без всяких фанфар медленно появился аббат в сопровождении приора, помощников и советников, на этот раз я лучше рассмотрел его тонзуру из коротких волос сияющего серебра, с жестким, хотя и предельно старым изношенным лицом, словно вырезанным из дерева, сейчас уже изъеденного жуками-короедами и местами трухлявого, и, как мне почудилось, весь неестественно прямой и негнувшийся.

Ему услужливо придвинули кресло к столу, он коротко оглядел всех выпуклыми, как у хищной птицы, глазами, кивнул, разрешая всем сесть.

Сам он, как я заметил, опустил абсолютно ровно, не наклоняясь вперед, как все мы делаем, словно погрузился в воду и остался там, возвышаясь над столом на уровне чуть выше пояса, что значит, с позвоночником тоже серьезные проблемы.

Ему в самом деле пора на покой, мелькнула у меня сочувствующая мысль. Уже высох и стал похож на кузнечика или даже богомола, так происходит в последней стадии старости, когда даже толстяки постепенно теряют жир и всю мышечную массу.

Выглядит старым и беззубым в прямом и не прямом: часто улыбается как-то даже виновато, словно извиняется, что вот знает как, но не может всех сделать счастливыми, не доросли и многие вообще не дорастут, но во взгляде я не усмотрел старческой немощности, а только мудрое понимание всего, всех и вся, а также свое бессилие исправить все несправедности в мире.

Приор, отец Кроссбрин, встал рядом, возвышаясь красиво и властно, всем видом показывая, что рулит он, а аббат здесь всего лишь почетное лицо, не принимающее решений. Во всяком случае, я понял именно так, а монахи, полагаю, люди не менее сметливые и сообразительные.

– Братья, – сказал Кроссбрин торжественно и властно тем могучим голосом, от которого вздрагивают армии при обращении к ним полководца, – у нас случилось то, чего не было вот уже больше тысячи лет... Брат Брегоний подвергся нападению!.. И мы пока ничего не знаем, кто на него напал... и почему.

Отец Леклерк сказал живо:

– Позвольте поправить достопочтенного отца Кроссбрина! Зато мы знаем, кем это существо не является.

Кроссбрин метнул в его сторону злой взгляд, я сообразил, что у них тут свои войны и отец Леклерк заранее отрезает Кроссбрину какие-то пути, попутно защищая меня, ведь так просто бросить подозрение в мою сторону, дескать, эта тварь появилась именно с паладином, он и виноват...

Хотя я сам считаю, что она как-то проникла, охотясь за мной, но все-таки куда стража на воротах смотрит?

Отец Кроссбрин снова оглядел всех властно и заговорил громко и напористо трубным голосом. Я внимательно и с напряжением вслушивался, страшась пропустить хоть одно слово, однако он с гневом доказывал, что никто не может проникнуть в Храм, ни человек, ни демон, а также нечисть, нежить или самый изощренный колдун.

Все, как и я, слушали в напряженном молчании, но наконец отец Леклерк прервал:

– Достопочтенный брат, прости, что перебиваю, но это мы знаем и помним. Не говори лишних слов, хорошо? Время дорого. Если, конечно, ты не затягиваешь его нарочито...

Отец Кроссбрин взбеленился, это было видно по его лицу, но невероятным усилием воли взял над собой контроль, даже сумел выдавить некое подобие снисходительной улыбки.

– Да, я знаю, что братья помнят, но не был уверен, что не забыли вы и ваши... помощники, отец Леклерк. Но если в самом деле вам не отшибло память в ваших мастерских за вашими странными занятиями, то перейдем к основному вопросу: что мы должны сделать, чтобы защитить наших братьев и наш Храм от проникших одновременно с братом паладином чудовищ?

Я задержал дыхание от внезапного удара, хотя и ожидал чего-то подобного. Не от этого священника с выправкой кадрового военного, так от кого-то еще.

– Скажите нам сперва, – заговорил Леклерк подчеркнуто мирно, – что это за чудовища, и мы сразу же примем меры.

Отец Кроссбрин сказал раздраженно:

– Вы прекрасно знаете, достопочтенный, что это пока не определено...

– Вот и определим сперва, – прервал Леклерк. – Простите, что прерываю, но я так сохраняю время капитула. Наши мозги должны быть еще свежими к моменту принятия решения.

А он выигрывает, мелькнула у меня мысль. Пусть Кроссбрин и старше по должности, но сейчас симпатии большинства на стороне Леклерка.

– А возможно ли вот так здесь определить? – возразил Кроссбрин. – Мы ничего не знаем об этой твари...

– Тогда обратимся сперва к тем, – предложил отец Леклерк, – кто с нею сталкивался. Брат Брегоний, к сожалению, сказать ничего не может помимо того, что на него напали сзади... или не сзади, он даже этого сказать не может. Зато брат паладин утверждает, что трижды видел...

Взгляды монахов обратились ко мне, я поднялся и сказал твердо:

– Четырежды. Дважды видел только как темную тень, дважды она обретала плоть, один раз была готова наброситься на меня...

– И не набросилась? – уточнил отец Леклерк. – Почему?

– Не знаю, – ответил я честно. – Не думаю, что моя святость была защитой, ее у меня меньше, чем у муравьев, что у вас тут бегают, я видел...

– Так что же?

– Мне показалось, – сказал я, – ее просто заинтересовало появление нового человека. Она уже начала осторожно приближаться ко мне.

– Осторожно?

– Медленно, – уточнил я. – То ли опасалась меня спугнуть, то ли сама чего-то ожидала. В последний раз, когда она была в моей келье, в дверь постучали, а когда я оглянулся, ее уже не было. Еще могу сказать точно, эта тварь свободно ходит через каменные стены любой толщины!..

Отец Леклерк хотел что-то сказать еще, но приор прервал, умело перехватывая инициативу:

– Спасибо, брат паладин, садитесь. Итак, что мы имеем?... Непонятного происхождения тварь, что свободно проходит сквозь стены и не страшится святости этих мест, святости братьев... Меня страшит мысль, что сегодня напала на брата Брегония, а завтра нападет... а то еще и сегодня!.. на остальных братьев! И единственное святое место на земле перестанет быть таким!

Отец Леклерк сказал негромко, но достаточно четко, чтобы слышали все, кто сидит вблизи, это достаточно, чтобы пересказали потом остальным:

– Достопочтенный брат, это смахивает на святотатство – предполагать, что Ватикан недостаточно свят...

И хотя в его тоне звучал отчетливый намек, что да, Ватикан вряд ли свят, однако отец Кроссбрин даже взбледнул, сказал поспешно:

– Я имел в виду только эту часть мира, столь удаленную от Ватикана!

– А-а, – протянул отец Леклерк и добавил покровительственно: – Это вы просто отучились в своих библиотеках выражать мысль достаточно четко... Хорошо, и что вы предлагаете?

Глава 10

Судя по обозленному лицу отца Кроссбрина, он и не собирался ничего предлагать, кроме как растерзать отца Леклерка, но, прижатый к стене, выговорил с трудом:

– Всем быть начеку... Помнить, что защищаете не только себя, но и своих товарищей.

– И это святое для всех место, – льстиво добавил один из его помощников.

Отец Леклерк напомнил значительно:

– Для этого разрешается прерывать молитву или бдения.

– Да, – нехотя подтвердил отец Кроссбрин, – любое занятие можно прерывать. Возможно, нужно организовать облавы...

– А где искать? – спросил отец Леклерк. – Храм и монастырь огромны.

Отец Кроссбрин ехидно улыбнулся.

– Возможно, вы не поняли или уже успели забыть, чудовище появлялось, как сообщил брат паладин, только в районе монашеских келий. И на брата Брегония нападение было совершено тоже там.

Очко в пользу Кроссбрина, мелькнуло у меня. Отец Леклерк потерял бдительность, критиковать всегда легче, выглядеть таким умным, понимающим, когда все руководство такое тупое, правую руку от левой отличить не могут...

Отец Аширвуд, первый помощник приора, сказал примирительно:

– Значит, организовать группы, которые будут патрулировать коридоры, а все остальные, какими бы работами ни были заняты, обязаны бдить. Если заметят появление чудовища, обязаны все бросить, Господь простит, и немедленно сообщить, где появилось, как себя проявило, куда направилось...

Я слушал внимательно, капитул протекает, я бы сказал, в соответствии с самыми демократическими процедурами. Монахи растормошились, сперва просто переговаривались, затем начали выкрикивать с мест, кое-что можно бы назвать условно дельным, хотя видно и то, что наиболее мудрые уже избраны в правление этого муравейника этими же монахами, так что система выборов отлажена умело и правильно.

Отец Аширвуд вскинул голову и взглянул на меня в упор, мне его пристальный взгляд очень не понравился.

– Хорошо, – сказал он, – кое-что мы наметили... Хотя меня по-прежнему очень смущает одно обстоятельство... У нас везде несокрушимые заклания на проникновение любых демонов, не говоря уже о нечисти, нежити, призраках... но что может быть на свете еще?

– Нужно спросить отца Велезариуса, – предложил Леклерк, – он у нас знает все виды демонов, не говоря уже про нечисть...

– Спросите, – согласился отец Аширвуд, – однако давайте и сами подумаем. Если эта тварь спокойно разгуливала по монастырю...

Он посмотрел на меня, я увидел, что нужно ответить, снова поднялся, чувствуя на себе взгляды всех собравшихся.

– Она не разгуливала, – сказал я.

– Что делала?

– То ли пряталась, – объяснил я, – то ли гналась за кем-то... но действовала очень скрытно.

Он посмотрел на меня с сомнением.

– Но вы ее заметили, брат паладин? Никто не видел, только вы?

– И что? – спросил я. – Хотите и теперь сказать, что я ее придумал? Как уже говорили, пока не появилась первая жертва?

Он помотал головой.

– Нет-нет, брат паладин, просто странно... Монастырь наш весьма населен, а ночью все братья в жилом корпусе... Бывает, не протолкнуться.

– Во-первых, – сказал я, – все уже разошлись по кельям. Во-вторых, ничего не хочу сказать плохого, но ваши глаза замылены.

– Брат?

– Замылены учебой, – уточнил я, – повседневностью... ну, молитвами, работой! А я человек новый, постоянно оглядываюсь по сторонам и хожу с раскрытой... раскрытым зевом, хотя это и осуждается уставом и правилами благочестия, что будут названы правилами приличия.

Леклерк сказал примиряюще:

– Следует учитывать, что брат паладин – паладин, человек войны. Он настороже постоянно, потому, наверное, и увидел только он.

– Наверное, – сказал отец Аширвуд, но посмотрел на меня с сомнением. – Если здесь нет других опасных моментов.

– Отец Аширвуд?

Отец Аширвуд покачал головой.

– Я говорю только о том, что не следует хвататься за первую же попавшуюся мысль.

– Это сужает, – вставил один из молодых монахов, что, как я заметил, постоянно вертится возле отца Аширвуда и смотрит влюбленными глазами.

– Сужает, – согласился отец Аширвуд невозмутимо. – А нам нужно зреть все варианты.

Я сказал примирительно:

– Может быть, мне просто повезло. Хотя да, вы правы, брат, я по большей части настороже. Уже приходилось расплачиваться за то, что терял бдительность, потому лучше перебдить, чем недобдить.

Аббат за все время взглянул на меня лишь однажды, после чего потерял интерес, что, конечно, обидно, хоть и не до слез, переживу, вчера дверью палец прищемил, и то выжил, так что обойдусь, я все еще местами бунтарь, а любой настоятель – эксплуататор, так что с простыми и очень простыми монахами буду искать возможности борьбы с Маркусом, аббат же пусть думает, что это завелось в его якобы тщательно охраняемых территориях и как это неизвестное отловить.

Сразу после капитула монахи разбились по группам и началось планомерное прочесывание всех коридоров и залов. И хотя, на мой взгляд, это все напрасно, тварь ходит сквозь стены напрямую, но монахам, наверное, самим так спокойнее, когда все организовано и все при деле.

Вообще-то происшествие встряхнуло весь монастырь, везде монахи собираются в кружки и шепчутся, бросая по сторонам опасливые взгляды. Обсуждают, как я понял, нечто такое, что не совсем укладывается в официальную линию, провозглашенную аббатом.

Правда, аббат тоже не может сделать ни шагу за пределы строжайшего устава, что регламентирует его жизнь еще строже, чем жизнь простых монахов, однако вот в таких экстренных случаях у него почти вся полнота власти.

Я прошел к себе, раненого монаха жаль, но куда больше жаль человечество. Шуточки насчет того, что встал, вытер сопли, надел штаны и пошел спасать мир, неожиданно и страшно оборачиваются реальностью, к которой, оказывается, не очень-то и готовы.

У меня своя задача, напомнил я себе, мне надо расшевелить народ на борьбу с Маркусом. Все остальное – третьестепенно.

Закрыв за собой дверь, но пока снимал через голову перевязь с мечом, ощутил, как нечто опасное довольно быстро двигается в мою сторону.

По коже прошла легкая волна холода. Я мысленно прикрикнул на свою трусливую натуру, сел на край ложа и, уперев острие меча в пол, осмотрелся.

В углу на стыке потолка и стены свет померк, оранжевое пламя в свечах опустилось, прижало к расплавленным лужицам воска, вот-вот утонут.

В помещении стало не везде темнее обычного, только на стыке стены и потолка, там самое мрачное место. Темная тень, как я уже заметил, больше всего предпочитает такие места, сама смотрит с высоты, а до нее не дотянуться вот так сразу.

Я вперил в нее взгляд, стараясь увидеть что-то хоть в запаховом, хоть в тепловом или уловить что-то понятное, знакомое, однако там темнота начинает сгущаться, наливаясь зловещей тяжестью, превращаясь в нечто гнетуще темное, злое, коварное, беспощадное и абсолютно чуждое нашему миру.

Странное ощущение, нет леденящего ощущения близкой беды. В прошлый раз пробиравало до костей, кровь замерзала в жилах, пальцы сводило холодом, а сейчас почему-то ничего этого нет, а что было в первые мгновения, быстро уходит...

Темнота разрослась, зато обрела объем и даже массу. Я чувствовал ее на расстоянии, нечто безмерно тяжелое, гнетущее, мрачное, словно вобрало в себя все худшее, что можно собирать в тайниках земли.

Я некоторое время безуспешно всматривался в этот сгусток мрака, взгляд тонет, словно смотрю в бездонный космос, где нет даже звезд, наконец тяжело вздохнул.

– И что?

Темнота не стала темнее, но ее прибавилось. Раньше казалась мне размером с тарелку, теперь уже с поднос. И это не просто тень на потолке и стенах, я впервые увидел и даже ощутил до мурашек по коже пугающий объем.

– Говорить не умеешь, – сказал я с сильно стучащим сердцем. – Тогда как? Танцами, как пчелы? Феромонами, как муравьи?.. Только не тактильно, мы еще не настолько знакомы, чтобы генитально или еще как-то общаться для взаимопонимания народов и демократии...

Тень вроде бы прислушивается к тому, что я несу, а для меня главное – говорить уверенным и усыпляющим голосом, как политики с народом, общими округлыми фразами, в которых звучат привычные слова и потому не настораживают, не заставляют просыпаться, напротив – погружают в еще большую дрему.

Она увеличилась в размерах еще, нависает массивной темной каплей размером с барана и вот-вот вырастет до габаритов коровы.

Я еще раз прислушался к себе уже с пристрастием, никакой угрозы пока нет, а только вроде бы некое смутное любопытство со стороны этого непонятного образования.

В коридоре послышались легкие шаги. Дверь осторожно приоткрылась, брат Жильберт заглянул вполглаза.

– Брат паладин... можно войти?

– Заходи, – сказал я.

Пока переступал порог, я бросил быстрый взгляд на тень, но на том месте уже пусто, оранжевый свет свечей освещает угол ровно и чисто, высвечивая каждую щербинку в камне.

Он перехватил мой взгляд, глаза стали тревожными.

– Что-то стряслось?

– Да как тебе сказать, – ответил я медленно.

– Брат паладин, – воскликнул он с укором, – так и скажите, мы же здесь все братья!

– Садись, – сказал я и указал на скамью. – И держись за стол, а то упадешь.

Он сел, глядя настороженно, спросил шепотом:

– Что-то про эту тварь?

– Ты догадостный, брат, – похвалил я.

– Тогда, – сказал он быстро, – может быть, сказать братьям?

– Только не всем, – ответил я.

– Понял, – сказал он быстро и торопливо выскользнул за дверь.

Через четверть часа в келью тихонько и смиренно вошли братья Смарагд, Гвальберт, Жак и следом сам Жильберт.

– Садитесь, братья, – пригласил я. – Вина, кофе?

Гвальберт проговорил медленно и с сомнением:

– Если послать за вином, это будет слишком заметно...

– Не будет, – заверил я. – Чтобы творить вино, можно и не быть святым.

Гвальберт спросил осторожно:

– Брат паладин?

Я кивнул на столешницу, сосредоточился, и перед монахами начали появляться грубо сделанные глиняные кружки, доверху наполненные вином.

Брат Жак опомнился первым, жадно цапнул свою, все смотрели, как он поднес ко рту и сделал первый глоток. Судя по его довольной роже, вино оказалось лучше, чем он ожидал.

Остальные зашевелились, кто-то взял сразу, кто-то еще поглядывал на других, только Гвальберт проговорил озадаченно:

– Но... как?

– Мир немножко шире, – пояснил я, – чем Храм и ваш монастырь. В нем много такого, о чем не знают ваши горации и курации.

Он покачал головой.

– Если творить без святости, то это магия.

– Паладин не может быть святым, – ответил я, – в привычном значении слова и в понимании простых людей. Потому что с мечом и весьма как бы нередко проливает... ну, не вино, вино он не прольет. Однако этим проливанием не вина выполняет волю Господа! Потому ему, то есть мне, дано больше, чем тем, кто сидит тихо и старается не замарать белые ручки. Пусть даже с чернильными пятнами. Всевышний тоже шесть дней творил мир в поте лица своего, и, думаете, ни разу не испачкался?

Гвальберт, как и остальные, ощутил упрек, сказал примирительно:

– Каждый из нас выполняет волю Господа, брат паладин. Хотя ты прав, меньше ноша – меньше плата... Чудеснейшее вино! Даже не представлял, что такое возможно.

Остальные помалкивали, не отрываясь от кружек. Брат Смарагд осушил первым и спросил дерзко:

– А снова наполнить сумеешь?

Гвальберт сказал сурово:

– Мы не пить сюда пришли!.. Брат паладин, ты сказал, что выяснил нечто?

– Да, – ответил я. – Сегодня я видел эту тварь снова...

Они слушали в молчании, как я ее описывал, хотя описывать нечего, я мог только как можно лучше передать впечатление, и, похоже, на них это тоже подействовало.

Кто-то побледнел, кто-то молча засопел и опустил голову, а Гвальберт тихонько упомянул нечистого.

– Вот и все, – закончил я. – Думайте, что в поведении этой твари настораживает.

– Что? – спросил Жильберт.

– Полуразумное поведение, – пояснил я. – Я здесь единственный чужак, и она выделила именно меня. Случайно ли? Сомневаюсь. Ладно, еще вопрос: а не мог кто-то из монахов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.